

№12

декабрь 2018

ЖУРНАЛ
УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В ПЕРМСКОМ КРАЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ГИМН ПЕРМСКОГО «МЕМОРИАЛА»

Я люблю вас, родные и близкие,
Дорогие мои пермяки!
Ваши судьбы сродни обелискам.
Пьём из памяти – горькой реки.

Вы – живые страницы истории,
Я героями вас бы назвал.
Вы своими руками построили
Вечный памятник – «Мемориал».

Как старались их вырвать из памяти,
Те страницы. Но он им не дал,
Возведённый над временем замути
Вечный памятник – «Мемориал».

Вы не винтики и не изгои вы,
Не строительный материал.
Люди вы. И вы сами построили
Вечный памятник – «Мемориал».

Годы, с вами прожитые, трудные
Я б на лёгкую жизнь не сменял.
Всех зовёт от беспамятства трубами
Вечный памятник – «Мемориал».

Я люблю вас, родные и близкие,
Дорогие мои пермяки!
Ваши судьбы сродни обелискам.
Пьём из памяти – вечной реки.

Стихи Ирины Кизиловой, музыка Виктора Гусарова

Гимн в исполнении Михаила Черепанова можно прослушать здесь: <https://vk.com/club48629483>

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ВАЛЕРИЯ СУХИХ	2
ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ АЛЕКСЕЯ ЗОЛОТАРЁВА	3

«МЕМОРИАЛ» В МОЕЙ СУДЬБЕ

РОЛЬ «МЕМОРИАЛА» В ЖИЗНИ ПЕРМИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ	4
«МЕМОРИАЛ»: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И НАВСЕГДА	10
ИГОРЬ АВЕРКИЕВ: БЕЗ «МЕМОРИАЛА» ПЕРМЬ БЫЛА БЫ ДРУГОЙ	15
ТАТЬЯНА МАРГОЛИНА: СООБЩЕСТВО ДОСТОЙНЫХ ЛЮДЕЙ	17
АНДРЕЙ СУСЛОВ: БЕЗ ПЕРМСКОГО «МЕМОРИАЛА» У МЕНЯ БЫЛА БЫ СОВСЕМ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ	19
РАМИЛЬ ФАТХУТДИНОВ: В ГАРМОНИИ С СОВЕСТЬЮ	21
АЛЕКСАНДР АСЛАНЬЯН: «МЕМОРИАЛ» – ЭТО БОЛЬШАЯ ГРАНИТНАЯ СКАЛА»	22
ЛЮБОВЬ СОКОЛОВА: У «МЕМОРИАЛА» ЕСТЬ БУДУЩЕЕ!	23
НИКОЛАЙ ДЕВЯТКИН. «МЕМОРИАЛ»: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ	24
МАНУЭЛА ПУТЦ: ЗДЕСЬ МОЙ ТЕПЛЫЙ ДОМ, ЛЮБИМЫЕ ДРУЗЬЯ	26

ВЕХИ ПАМЯТИ

АРСЕНИЙ РОГИНСКИЙ: О СВОБОДЕ СЛОВА И ПРАВЕ НА ПАМЯТЬ	28
СВЕТ, ОЗАРЯЮЩИЙ ПРОШЛОЕ	31
НАШ ГИМН И ГОЛОС МИШИ ЧЕРЕПАНОВА.....	32
ВОЗДУХ СВОБОДЫ	34
РОМКА	36

ТРАДИЦИИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРМСКОГО «МЕМОРИАЛА»	38
ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ	48
«МЕМОРИАЛ», КИНО И РАЗНЫЕ СМЫСЛЫ	50
УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ	51
НЕ ЗАРАСТАЕТ ДОРОГА	55
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН	60
ПРАВО НА АЛЬТЕРНАТИВУ	63
«ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС» В ПЕРМСКОМ КРАЕ	67
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТАБЛИЧКИ	73
ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО – ТРУДОВАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ	74

ОБРАЩАЙТЕСЬ, ВАМ ПОМОГУТ!

ПОМОЩЬ ГРАЖДАНАМ ОТ ПЕРМСКОГО «МЕМОРИАЛА».....	78
--	----

УДК 342.7

ББК 67.400.3

ISBN 987-5-904037-80-2

Журнал «Человеческое измерение»

Издается с апреля 2011 года.

Редакция, издатель: 614006, г. Пермь, ул. Ленина, 51, оф. 230, тел. (342) 217-76-70, e-mail: ombudsman@uprc.permkrai.ru

Над выпуском работали: Павел Миков, Мария Черемных, Канстанция Викуленко, Александр Калих, Ирина Кизилова, Дмитрий Окунцев, Елена Истомина.

Главный редактор: Мария Черемных, тел. 8-902-79-77-821, e-mail: maria7400@mail.ru

Фото: архив Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, архивы пермского «Мемориала», личные архивы Марии Горбач, Николая Кириллова, Анастасии Окуловой, Дмитрия Окунцева.

Тираж: 550 экз. Номер заказа 5013.

Отпечатано в типографии ООО «Форвард-С» (ИП Худяков С. А.), г. Пермь, ул. Героев Хасана, 55б. Тел. (342) 20-55-441.

E-mail: forward-s2011@yandex.ru. Подписано в печать 3.12.2018 г.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

**Председателю Пермского краевого
отделения общества «Мемориал»
Р. Р. Латыпову.**

Уважаемый Роберт Рамилевич!

Сердечно поздравляю Вас и весь коллектив
отделения общества «Мемориал» с 30-ле-
тием!

Несмотря на молодость, у «Мемориала»
есть уникальный опыт и серьезные до-
стижения. За все эти годы Вы сумели на-
писать историю трагических страниц
нашей страны, сделать многое для реابي-
литации наших сограждан, вернуть и со-
хранить народную память.

Ваша большая просветительская и право-
защитная работа вызывает глубокое ува-
жение у всех, кто не забывает прошлого
и верит в будущее своей страны. Сегодня
«Мемориал» является одним из самых активных общественных движений в России, на-
ходит отклик в сердце тех, кому небезразлична история свой родины.

Патриотическое воспитание молодежи, помощь репрессированным, издание Книг па-
мяти, организация выставок и музейных экспозиций, открытие памятников – это
огромная работа, которая направлена на понимание глубинных процессов в новейшей
истории.

Желаю Вам дальнейшего профессионального развития, успешной реализации всех пла-
нов и начинаний!

**Председатель Законодательного Собрания
Пермского края Валерий Сухих**

Уважаемые активисты Пермского краевого отделения Международного историко-просветительского, правозащитного общества «Мемориал»!

Вот уже на протяжении многих лет общество «Мемориал» является самым значимым общественным движением в нашей стране, неустанно отстаивающим права человека.

Именно общественная организация «Мемориал» вносит значительный вклад в изучение истории, в сохранение и увековечивание памяти о жертвах политических репрессий, оказывает содействие реабилитации и помощи тем, по чьей судьбе прошла тяжелая «машина репрессий».

Ваша упорная просветительско-правозащитная деятельность вызывает глубокое уважение всех, кто верит в будущее России! Нельзя достойно жить в настоящем и строить будущее, не сделав работу над ошибками прошлого.

От имени коллег по Пермской краевой комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, организованной при Законодательном Собрании Пермского края, благодарю Вас лично, Роберт Рамилович, за достойную работу лидера правозащитного движения, а также всех, кто причастен к деятельности общества «Мемориал», за неоценимый вклад в развитие правового гражданского общества в России.

Желаю обществу «Мемориал» долгих лет плодотворной работы на ниве восстановления справедливости и законности!

***С уважением, заместитель председателя
Законодательного Собрания Пермского края,
председатель Пермской краевой комиссии по восстановлению
прав реабилитированных жертв политических репрессий
Алексей Золотарёв***

ПАВЕЛ МИКОВ

РОЛЬ «МЕМОРИАЛА» В ЖИЗНИ ПЕРМИ И ПЕРМСКОГО КРАЯ

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Конец 80-х годов в Советском Союзе охарактеризовался, прежде всего, появлением независимых организаций. Одной из первых таких независимых от государства организаций стало об-

щество «Мемориал». Инициаторами создания этого общества по сути дела были бывшие репрессированные граждане. И возникнув в Москве как организация, объединяющая репрессированных граждан, борющихся за возвращение честного имени своим

родителям, своим предкам, постепенно эта организация приобрела статус всесоюзной. Первым председателем Всесоюзного «Мемориала» был избран академик Андрей Дмитриевич Сахаров. И что удивительно, только Москвой это движение мемориальцев не закончилось. В Перми, а потом в Пермском крае «Мемориал» появился одним из первых. У истоков пермского «Мемориала» стояли сами репрессированные граждане. В частности, это Израиль Абрамович Зекцер. И затем к нему постепенно присоединялись пермские журналисты, которые работали в областной газете «Звезда». Это Александр Михайлович Калих, Ирина Дмитриевна Кизилова. Ну и дальше постепенно вливались профессионалы-историки, которые занимались вопросами открытия правды о годах репрессий в Советском Союзе. Это известные на сегодняшний день исследователи, а тогда ещё молодые ученые Ан-

Одним из первых было краснокамское отделение областного общества «Мемориал», которое возглавил Василий Ильич Докукин. В этом году мы все вместе отпраздновали его девяностолетие. Он уже два года не руководит организацией, но всё равно продолжает проводить просветительскую, поисковую работу.

что эта организация своей деятельностью стала привлекательна и для молодых граждан Перми, которые с помощью «Мемориала» почувствовали свободу своей деятельности, получили первый опыт правозащитной деятельности. Можно говорить, что и Игорь Аверкиев, сегодняшний руководитель Пермской гражданской палаты, по сути дела – тоже своеобразный выходец из пермского «Мемориала». Когда создали Перм-

дрей Суслов, Михаил Нечаев, Виктор Шмыров, Татьяна Курсина. И целый ряд других общественных деятелей, которые продолжают и сегодня быть лидерами общественного мнения в крае. Важно отметить, что пермский «Мемориал» сразу же не концентрировался исключительно в городе Перми. То есть, как только появилось это общество, эта общественная организация в Перми, люди увидели, что можно говорить правду, что за эту правду никто не будет преследовать, и в территориях края тоже стали заявлять, что их родные, их предки также были репрессированы. Так постепенно на территории тогда Пермской области стали появляться районные, городские отделения общества «Мемориал». Одним из первых было Краснокамское отделение областного общества «Мемориал», которое возглавил Василий Ильич Докукин. В этом году мы все вместе отпраздновали его девяностолетие. Он уже два года не руководит организацией, но всё равно продолжает проводить просветительскую, поисковую работу. На мой взгляд, в те годы для областной власти, обкома партии и облисполкома появление такой независимой общественной организации, изначально набравшей огромную популярность, не подконтрольной обкому партии, облисполкому, стало своеобразным шоком. Особенно шокировала первая открытая, независимая демонстрация, которую организовал пермский «Мемориал», когда люди шли по Комсомольскому проспекту, а потом по улице Ленина с портретами своих репрессированных предков. На мой взгляд, это была самая настоящая общественная революция, поскольку впервые в нашем тогда ещё «закрытом» в 1989 году городе Перми, где контроль за поведением граждан со стороны органов госбезопасности осуществлялся бо-

лее жестко, произошло такое событие. Эта демонстрация привлекла не только людей, которые не боясь, открыто вышли на улицу с портретами своих родственников. Но и привлекла думающую часть активной молодежи. Молодежь увидела, что есть что-то кроме комсомола, который встроено в структуру государства. Изначально в ряды «Мемориала» вступали не только родственники репрессированных граждан. Самое главное,

ский региональный правозащитный центр – это, по сути, вторая независимая правозащитная организация на территории Пермского края после «Мемориала». Но, насколько я понимаю, он был вдохновлен идеей правозащитной деятельности и опытом пермского «Мемориала». И вот эта молодежная составляющая стала одной из отличительных черт среди всех региональных отделений общества «Мемориал». И это всегда

Особенно шокировала первая открытая, независимая демонстрация, которую организовал пермский «Мемориал», когда люди шли по Комсомольскому проспекту, а потом по улице Ленина с портретами своих репрессированных предков. На мой взгляд, это была самая настоящая общественная революция, поскольку впервые в нашем тогда ещё закрытом в 1989 году городе Перми, где контроль за поведением граждан со стороны органов госбезопасности осуществлялся более жестко, произошло такое событие.

отличало пермяков. В дальнейшем из пермского «Мемориала» выросло несколько организаций, которые стали заниматься уже профильной деятельностью. В конце 1990-х годов появился Молодежный «Мемориал», или Центр поддержки молодежных демократических инициатив. В рамках молодежного «Мемориала» стали развиваться такие направления правозащитной деятельности, как защита прав молодых людей на альтернативную гражданскую службу. Стало развиваться волонтерское движение. Вторая не менее мощная организация, которая продолжает свою просветительскую деятельность и в настоящее время переросла из городской организации в межрегиональную общественную организацию, – это Центр гражданского образования и прав человека, который вырос из программы «Школа прав человека» пермского «Мемориала». Из небольшого проекта, который начинали энтузиасты во главе с профессором Андреем Суслым и три школьных учителя из Перми, спустя 15 лет развилась уже авторитетная, самостоятельная, мощная правопросветительская организация, известная не только у нас в крае, но и на всероссийском уровне.

ЧТО ПОДАРИЛ ОБЩЕСТВУ ПЕРМСКИЙ «МЕМОРИАЛ»?

Я думаю, что на самом деле «Мемориал» сформировал несколько повесток. Давайте не будем забывать, что то же волонтерское движение на современном этапе получило истоки из пермского «Мемориала». Уместно отметить, что речь идет не только о пермском волонтерском движении. «Мемориал» привлекал людей из других регионов и даже из-за рубежа. Молодые люди приезжали из-за границы для прохождения своеобразной волонтерской практики в России.

Другая повестка, и самая основная, с чего «Мемориал» и начинался, это сохранение исторической памяти и увековечивание памяти жертв политических репрессий. По сути дела, именно «Мемориал» начал первым заниматься восстановлением политической зоны «Пермь-36» (ИТК-36) и созданием на ее базе музея. В дальнейшем произошли разного рода другие события, но, по сути, сохранение этого места истории политических репрессий и его мемориализация, его существование тоже стало возможным благодаря пермскому «Мемориалу». Об этом не надо забы-

вать. Другое дело, что, к сожалению, по разным обстоятельствам в разное время там происходили реорганизации, менялись направления, появилась новая организация, которая стала заниматься данным направлением. Нужно понимать и помнить, что исторически этим направлением начал заниматься пермский «Мемориал». Правозащитная тема продолжает своё развитие и сегодня в нескольких направлениях. Прежде всего, это защита реабилитированных граждан, которые составляют на сегодняшний день основной костяк организации. Но на этом «Мемориал» не остановился. Важно было защищать права молодых людей на прохождение альтернативной гражданской службы. Появилось целое направление, которое возглавила Ирина Дмитриевна Кизилова. Именно из этого направления появились такие замечательные юристы и успешные адвокаты, как Роман Маранов. Ещё одно направление, которое вышло из пермского «Мемориала» – просветительская деятельность в сфере прав человека и гражданского образования. Можно вспомнить разные проекты, которые были реализованы пермской Школой

прав человека. Я свою деятельность тоже начинал в Школе прав человека с небольшого самостоятельного проекта по правовому просвещению детей, воспитанников Суксунского детского дома, с 2000 по 2001 год. Это был мой первый самостоятельный проект. Я занимался правовым просвещением детей-сирот для подготовки их к жизни на базе конкретной организации. Первой моей серьёзной публикацией, по крайней мере мне тогда так казалось, надеюсь, что так же оценивали и другие, объемом 60 страниц был буклет в помощь выпускникам детских домов, в которых давались разъяснения по всем аспектам жизни, когда ребенок покидал стены государственного учреждения, и как ему дальше ориентироваться в жизни: какие есть права и льготы, куда обращаться за помощью в случае необходимости, ну и так далее.

И второй очень важный проект, который из Школы прав человека перешел в деятельность центра гражданского образования, это передвижной Сахаровский просветительский центр. Нами, совместно с Андреем Борисовичем Суловым, были разработаны

интерактивные занятия для школьников, которые были посвящены разным аспектам истории правозащитного движения, истории политических репрессий, современному состоянию нашего общества и так далее. И я помню, что тогда, с 1999 по 2001 год, во многих школах края не было даже телевизоров. И мы приезжали в школы со своим телевизором, со своим видеомagneтофоном, с записанными на VHS-кассеты видеофрагментами, взятыми из документальной хроники или из художественных фильмов, и в течение 45 минут со старшеклассниками проводили Сахаровские уроки. Это был такой замечательный проект! Именно через несколько таких проектов мы вышли на то, что учителей, разделяющих наши, мемориальские, ценности, в крае стало очень много и проект «Школа прав человека» перерос в самостоятельную организацию. Так развитие системы гражданского образования стало отдельным направлением деятельности. Важно отметить, что у «Мемориала» были разные взаимоотношения с местной властью: от объятий и любви до охлаждения друг к другу и увеличения дистанции между пермской властью

и «Мемориалом». Да, были периоды и очень острые ситуации, которые можно назвать острым противостоянием и конфронтацией. Я считаю, что в любых ситуациях «Мемориал», сохраняя лицо, общественное реноме и достоинство, продолжал отстаивать свои собственные ценности, несмотря на те или иные попытки дискредитировать деятельность организации, минимизировать её влияние в общественной жизни Прикамья. Но, тем не менее, свою нишу, свой голос «Мемориал», несмотря ни на какие влияния, продолжал отстаивать. Особенно

тяжело было в 2012, 2013 годах, когда только-только начинал набирать обороты принятый закон об организациях, выполняющих функцию иностранных агентов, и целый ряд леворадикальных, да и праворадикальных сил, которые были в Прикамье, получили карт-бланш на то, чтобы открыто в публичном пространстве клеймить правозащитников, в том числе общество «Мемориал». И в этой ситуации нужно было набраться гражданского мужества, чтобы всему этому противостоять. Тогда, как и сейчас, в принципе, «Мемориал» был отлучен

от возможности выступать по телевидению и в других СМИ. Единственной возможностью отвечать и развенчивать активно распространяемые мифы, новые стереотипы о независимых государственных правозащитниках был сайт «Мемориала» и затем появившиеся социальные сети, через которые можно было хотя бы распространять эту информацию. Иных возможностей выйти на широкую аудиторию, на широкую общественность ни на телеканалах, ни в печатных СМИ, по сути дела, у «Мемориала» не было. Но, тем не менее, я считаю, что, несмотря на эту просто обрушившуюся лавину дезинформации, гнева, создание образа врага, условно говоря, нацеленное как на московский, так и на пермский «Мемориал», и клеймение его основателей, нужно было это всё пережить, выдержать. И «Мемориал» выстоял! Он выстоял и продолжает свою работу, продолжает свою деятельность по тем направлениям, которые были ещё в конце 1980-х – начале 1990-х годов изначально заложены. Продолжает защищать права реабилитированных граждан, молодых людей, продолжается работа по сохранению исторической памяти –

Я считаю, что в любых ситуациях «Мемориал», сохраняя лицо, общественное реноме и достоинство, продолжал отстаивать свои собственные ценности, несмотря на те или иные попытки дискредитировать деятельность организации, минимизировать её влияние в общественной жизни Прикамья. Но, тем не менее, свою нишу, свой голос «Мемориал», несмотря ни на какие влияния, продолжал отстаивать.

...несмотря на эту просто обрушившуюся лавину дезинформации, гнева, создание образа врага, условно говоря, нацеленное как на московский, так и на пермский «Мемориал» и клеймение его основателей, нужно было это всё пережить, выдержать. И «Мемориал» выстоял!

такой замечательный проект, как «По рекам памяти», он продолжается. На карте ГУЛАГа Пермского края, благодаря этим экспедициям, появляются всё новые и новые точки там, где были лагеря. Кроме того, последние три года у нас активно идет акция «Возвращение имен», акция «Последний адрес» – инициаторами этих акций стал пермский «Мемориал». Как минимум два раза в год у нас стоит очередь из пермяков, желающих почитать, предать гласности имена тех, кто был расстрелян в ходе Большого террора (7474 человека, по официальным источникам), так что список ещё будет дополняться. Я уже не говорю об акции «Последний адрес». Если первоначально инициатива шла от «Мемориала», который сам искал людей и устанавли-

Важно отметить, что у пермского «Мемориала» лицо не только пожилого человека. Пермский «Мемориал» ассоциируется и с лицами молодежи.

вал эти таблички, то сегодня потомки репрессированных и просто заинтересованные в сохранении исторической памяти люди приходят и просят установить табличку на какой-нибудь дом, откуда уводили людей и куда они уже никогда не вернулись после вынесенного несправедливо-го приговора.

КАКИЕ МЕМОРИАЛЬЦЫ СЕГОДНЯ?

Важно отметить, что у пермского «Мемориала» лицо не только пожилого человека. Пермский «Мемориал» ассоциируется и с лицами молодежи. То есть вот эти традиции, заложенные ещё в 1990-е годы, чтобы разные поколения служили одному делу, они продолжают. И это здорово! Это значит, что память будет жить ещё как минимум в нескольких поколениях. Особенно ярко это видно по акции, которую проводит «Мемориал» при поддержке губернатора Пермского края и администрации города – это поездка к месту расстрела пермяков на 12-й километр Московского шоссе близ Екатеринбурга. На этот мемориальный комплекс, где был в 1937–1938 гг. концентрационный лагерь и в этот лагерь отправляли только для одного – для того, чтобы оттуда больше не вернуться. Я могу вспомнить первые поездки на 12-м километре, которые я сопровождал в качестве волонтера. Тогда в автобусах в основном ехали престарелые дети репрессированных. И очень редко можно было увидеть, за исключением волонтеров, молодых людей. Сегодня уже формирование этой группы всё омолаживается. Уже правнуки и внуки тех, кто там захоронен, желают поехать и поклониться этим местам. Едут семьями, поколениями! И это уже все-

ляет надежду, что память о репрессиях, о той большой трагедии, которая наш народ задела, будет сохраняться в поколениях. А это значит, что у «Мемориала» есть будущее!

Опять же я знаю несколько историй, когда молодой человек, будучи школьником, участвовал в программах «Мемориала», затем выбирал для себя ценностно этот путь как стратегию жизни. Это Екатерина Осипова, которая сейчас работает в аппарате Уполномоченного по правам человека. Это Александр Асланьян, прошедший путь от любознательного школьника до сотрудника «Мемориала», руководителя экспедиций. И это показывает, что пермский «Мемориал» дает возможности для гражданского и личного становления человека. И те высокие нравственные идеалы, идеалы сохранения человеческого достоинства – всё это неразрывно связано с образом пермского «Мемориала».

Пермский «Мемориал» дает возможности для гражданского и личного становления человека. И те высокие нравственные идеалы, идеалы сохранения человеческого достоинства – всё это неразрывно связано с образом пермского «Мемориала».

АЛЕКСАНДР КАЛИХ

С чего начинался «Мемориал» для меня? Сегодня кажется, он был со мной всегда, с самого детства. Может быть, с того момента, когда в конце 40-х годов отца, беспредельно преданного коммунистической идее человека, изгнали с работы. Целый год мы голодали. Его не принимали никуда, даже подсобным рабочим. Мы жили в странном, тревожном ожидании чего-то. Уже будучи взрослым, я узнал, что отец написал письмо Сталину. Отец просил защитить арестованного директора завода, старого коммуниста и своего давнего друга. Отец знал, что означает увольнение.

«Мемориал»: вчера, сегодня и навсегда

ОН ЖДАЛ АРЕСТА

Говорить об этом в семье было запрещено. И потому смысл тех событий мы, дети, осознали лишь много лет спустя. Почему-то беда миновала нас. Чья-то неведомая рука отменила «черный билет», выданный отцу, и его взяли на работу кладовщиком. Я запомнил это время потому, что впервые за долгое время наелся.

А может быть, «Мемориал» начинался для меня в начале 1960-х годов в городе Кирове, где после окончания университета я делал первые шаги в журналистике. Ребята из моего клуба «Парус» нашли на чердаке дневники – две толстые книги, исписанные совершенно непонятным почерком. Целый год мы расшифровывали эти записи. Оказалось, их автором был директор областной библиотеки Муравьев, арестованный в 1937 году. Он записывал события своей жизни с 19 лет.

Чья-то неведомая рука отменила «черный билет», выданный отцу, и его взяли на работу кладовщиком. Я запомнил это время потому, что впервые за долгое время наелся.

Это был дневник-роман. Книга об испытаниях, которые пришлось пережить рядовому деревенскому паренюку. Почему-то именно его бог наделил невероятной жаждой знаний, мечтой об образовании. Полуголодный и нищий, он поступил на философский факультет МГУ. Но на третьем курсе пришлось уйти из-за туберкулеза – сказались лишения и вечный голод. Муравьев вернулся в Киров. Не успел подлечиться, как вышел приказ о назначении его директором областной библиотеки имени Герцена.

Арестовали его на вокзале. Он возвращался из командировки, в корзинке была стопка книг, томики Ленина и других классиков. Почему-то книги не отобрали. Так и пошел он с ними по этапам и тюрьмам. Мои ребята-старшеклассники отыскивали родственников Муравьева, а потом нескольких его сокамерников. Бывшие политзеки рассказали, как читали в бараке томики Ленина. Прочитают страничку – и на самокрутку ее, хорошая была бумага.

По сути, это был мой первый «Мемориал». И меня, и ребят мучил вопрос, который тогда некому было задать. За парадным фасадом страны, за бравурными маршами и газетными отчетами черным силуэтом проглядывала какая-то другая жизнь, другая история и другая страна. Из рассказов старших, тайных семейных преданий мы знали частности, детали, штрихи. Советского человека с детства приучали – не обобщай. А нам хотелось именно обобщений, хотелось знать не только отдельные факты. Хотелось знать, что на самом деле происходило в стране.

Дневники Муравьева удалось опубликовать. Это было затухающее время хрущевской оттепели. Сигнал о свертывании первой советской гласности еще не поступил. Но уже но-

сились в воздухе разные запахи, уже говорили некоторые, почти как сегодня: хватит чернить прошлое и Сталина!

А может быть, «Мемориал» начался для меня в тот день (кажется, это было в 1986 году), когда в редакцию газеты «Звезда» пришла компания молодых людей во главе с ныне известным правозащитником, а тогда просто изгнанным из госуниверситета студентом-историком Игорем Аверкиевым. Чего вдруг угораздилось нам, вполне сытым журналистам областной газеты, пригласить опасных радикалов, слухами о которых полнилась Пермь? И не просто пригласить, а столкнуть их в дискуссии с самыми известными в городе историками, преподавателями философии...

Дискуссия вышла на славу! Впервые я слышал – не на хрипящих волнах зарубежных «голосов», а вживую – свободных людей, не зажатых страхом и ортодоксией. Они не всегда были правы в деталях, но были правы в главном: общество, экономическая система, политика – все нуждается в коренном обновлении. Они говорили, не боясь последствий. Страх последствий впитан нами с молоком матери, он и сегодня заставляет нас фальшивить, когда мы пытаемся говорить как думаем.

Нет, все-таки «Мемориал» для меня (и не только для меня) начался с городского дискуссионного клуба «Диалог». Это был 1987 год. Короткая история «Диалога» еще не нашла своего рассказчика. А между тем для традиционно спокойной Перми это был взрыв! Сотряслись партийные и советские органы, в приказном порядке они отправляли своих кадровых идеологов участвовать и «обязательно» побеждать в дискуссиях. Но как-то не побеждалось. Безумная, как они считали, толпа не верила им, их аргументы выглядели затертыми и неубедительными.

Взволновалось и местное управление КГБ. На всю страну прогремела пресс-конференция Сергея Н., которую он провел для журналистов центральных СМИ в Москве. Сергей занимался в пермском «Диалоге» оргвопросами. Оказывается,

Впервые я слышал – не на хрипящих волнах зарубежных «голосов», а вживую – свободных людей, не зажатых страхом и ортодоксией. Они не всегда были правы в деталях, но были правы в главном: общество, экономическая система, политика – все нуждается в коренном обновлении. Они говорили, не боясь последствий. Страх последствий впитан нами с молоком матери, он и сегодня заставляет нас фальшивить, когда мы пытаемся говорить как думаем.

КГБ завербовал его, чтобы иметь доступ ко всем документам клуба, к спискам активистов. Сколько их было, таких осведомителей, в рядах участников клуба? Кто знает! Мы чувствовали их присутствие, но скрывать особенно было нечего – все было на поверхности, все делалось гласно. Об этом, впрочем, мог бы подробнее рассказать Валерий Александрович Щукин, хороший человек (заместитель губернатора Пермской области Геннадия Игумнова), а тогда один из руководителей ГБ. Задним числом могу засвидетельствовать: у пермских чекистов хватило ума не раскрывать «дело «Диалога», между тем как в других регионах их коллеги очень даже резвились!

Ведущими «Диалога» выступали Игорь Аверкиев, писатель Владимир Виниченко и, в меньшей степени, автор этих строк. Впервые общественность проявила несанкционированную активность. То есть создала дискуссионный клуб без согласования с властью. Впервые гласно обсуждались «немыслимые» темы: есть ли будущее у коммунистической партии, быть или не быть демократии в СССР. Под «крышей» клуба сформировались почти все общественные движения, которые потом задавали тон на

политической арене Перми. В их числе и наш «Мемориал».

«Мемориал» в Перми родился почти одновременно с московским. Журнал «Огонек», открытие и любовь тех лет, рассказал о группе молодых людей, призвавших создать «Мемориал» в память о миллионах погибших в годы политических репрессий. Некоторые имена скоро стали звучать в прессе: Арсений Рогинский, Елена Жемкова, Александр Даниэль (неужели сын того Даниэля?), Вячеслав Игрунов, Никита Охотин и другие. Потом стало известно, что движение поддержал и вошел в него Андрей Дмитриевич Сахаров, только что вернувшийся из горьковской ссылки.

Сейчас общественные бури тех дней кажутся чуть-чуть преувеличенными, непонятными. Сила слова тогда стала почти материально осязаемой. Впервые за слово не сажали. Это было тем более странно, что фактически ничто не изменилось – все тот же КГБ, все те же обкомы, райкомы и ЦК. И при этом бесчисленные митинги, оглушающая гласность. Открылись целые пласты недавнего прошлого, рушились иллюзии. Мы были наивны и полны веры в скорое пришествие демократии. За

прошедшие с того времени годы нам пришлось пережить немало разочарований, десятки обескураживающих открытий о себе и своем народе отрезвили нас. Но все равно я очень люблю вспоминать те годы – возможно, они были лучшими в моей жизни.

х х х

В ноябре 1988 года автор этих строк опубликовал в газете «Звезда» под заголовком «Долг памяти» беседу с прокурором области о том, почему в Пермской области приостановлена реабилитация жертв сталинских репрессий. В конце статьи я напрямую обратился к репрессированным: откликнитесь, расскажите о себе, о том, как все было, как жили все эти годы...

Никогда еще в своей журналистской биографии я не получал такой огромной почты. Сотни откликов, писем-исповедей, переполненных страданием. Многие из тех писем газета опубликовала под рубрикой «Долг памяти» (кстати, позже эта рубрика перекочевала в газету «Пермские новости» и вскоре – редчайший случай долгожительств в газетной практике – рубрика вместе с «Мемориалом» отметила свое 15-летие). Но был еще

один, совсем не побочный результат у той ноябрьской публикации: началась переписка активистов «Мемориала» с авторами откликов в газету. Мы нашли их. Они нашли нас.

День рождения Пермского «Мемориала» – 12 декабря 1988 года. Помню, как ночами мы расклеивали листовки с приглашением на первое собрание в ДК строителей на улице Куйбышева, где под страшным секретом нам дали зал. Совершенно неожиданно пришло много людей. Это было не собрание – скорее вечер поминовения жертв. Люди плакали, вспоминали, рассказывали о пережитых страданиях. Многие из них, прошедшие лагеря и тюрьмы, когда-то давали пресловутую расписку «о неразглашении». Страх стерег их многие десятилетия. И вот впервые в жизни говорили вслух, публично. Решение о создании «Мемориала» было простым и необходимым, как дыхание.

В следующем году «Мемориал» – организация, не признанная властями, не разрешенная свыше, впервые вышла на Первомайскую демонстрацию. На всю жизнь я запомнил остолбеневшие трибуны, на которых стояли местные партийные бонзы. Молчание Октябрьской площади... Что было в этом молчании? Угроза? Удивление?

Сочувствие? Не берусь гадать. Помню только ощущение: мы шли в пустоте, в полной тишине.

Еще в самом начале мы записали свидетельства очевидцев о тайных захоронениях в логу неподалеку от Егошихинского кладбища расстрелянных в тюрьме НКВД № 1 (ныне следственный изолятор в районе Разгуляя) политических заключенных. Именно здесь мемориальцы решили строить памятник тем, кто стал жертвой системы насилия. Памятник создавался на пожертвования тысяч людей. Потребовались большие усилия, чтобы его построить. В условиях кризиса по крохам собирали и оберегали от инфляции народные средства. В 1995 году архитектор Михаил Футлик предложил проект своеобразной колоннады, состоящей из столбов, опутанных колючей проволокой. Между столбами закреплен колокол Памяти.

30 октября 1996 года, в День памяти жертв политических репрессий, памятник был открыт. Сюда приходят не только в дни массовых митингов. Здесь, рядом с вечным покоем, можно посидеть одному, вспомнить прошлое, помянуть близких...

Здесь, у памятника, мы поминаем тех, кто поднимал «Мемориал», кто отдал

ему годы своей жизни. Среди них – Израиль Абрамович Зекцер, основатель и первый председатель Ассоциации жертв политических репрессий. Он умер летом 2002 года, умер неожиданно, на минуту оторвавшись от дел. Боль от удара, который мы тогда пережили, не прошла до сих пор.

...Не могу припомнить, при каких обстоятельствах судьба свела меня с ним. Это было летом 1990 года. Мы шли по пустынной улице, он рассказывал о себе. По привычке я присматривался к незнакомому человеку. Бросилось в глаза вроде бы несочетаемое: маленький рост и исходившая от него сила. О таких говорят – твердый орешек. Другим ему быть просто не суждено, не выдержал бы того, что на его долю выпало. В 1947 году шестнадцатилетнего мальчишку обвинили в создании антисталинской молодежной организации в школе №11 г. Перми. Жизненные университеты пришлось проходить сначала в тюрьме, потом в ссылке. В случае с обманчиво маленьким Зекцером чекисты явно просчитались: им не удалось сломить мальчишку, наоборот, из него вырос человек высочайшего мужества и закалки.

В 1990 году его избрали председателем Ассоциации жертв политиче-

С Израилем Зекцером было непросто. Его радикальность, прямолинейность могли вызывать разные чувства. Но то, что он совершенно бескорыстен, что руководствуется нравственным законом, законом совести – это было очевидно всем. Даже его врагам.

ских репрессий. Святым делом для Зекцера стала защита прав и интересов своих собратьев, тех, кто стал жертвой политического насилия. В многотысячной Ассоциации, пожалуй, нет человека, который бы не получил полноценной юридической консультации Зекцера, которого бы он не защитил в суде. В этом деле он не знал компромиссов, мог из чиновника вытянуть все жилы. Он был максималист, он был единственный, кому разрешалось прикрикнуть даже на бывшего репрессированного, если тот уж слишком «качал» права. Он знал о жизни репрессированных все, сам прошел весь этот тяжкий путь. И знал, кому верить, а кому нет.

С Израилем Зекцером было непросто. Его радикальность, прямолинейность могли вызывать разные чувства. Но то, что он совершенно бескорыстен, что руководствуется нравственным законом, законом совести – это было очевидно всем. Даже его врагам.

Мы утверждали, что эта власть, этот режим несут ответственность за все трагедии, происшедшие в XX веке. «Мемориал» и сегодня не отказывается от своих идей. Но всем нам давно пора сказать трудную правду о самих себе. Об ответственности народа. О том, как миллионы людей молчали, пособничали, доносили, лицемерили.

х х х

Прошло 30 лет. Я бессилён рассказать обо всем, что сделано и что пережито за эти годы. Наш «Мемориал» знают в Прикамье, в стране и за ее рубежами. Надеюсь, знают по делам, а не только широкоवेशа-

Мы пытаемся объяснить молодым и немолодым людям, что забвение трагических и одновременно постыдных страниц личной истории каждого, истории страны создаёт возможность новых рецидивов прошлого.

тельным заявлениям. Но все равно не оставляет ощущение, что мы еще только начинаем, нам еще предстоит добиться истинного понимания у людей, у всего общества.

Многие годы мы говорили о преступлениях тоталитарного режима, не-

вольно представляя народ как пассивную жертву власти. Мы утверждали, что эта власть, этот режим несут ответственность за все трагедии, происшедшие в XX веке. «Мемориал» и сегодня не отказывается от своих идей. Но всем нам давно пора сказать трудную правду о самих себе. Об

ответственности народа. О том, как миллионы людей молчали, пособничали, доносили, лицемерили.

Сегодня россияне не хотят слышать эту правду, она очень болезненна, она требует мужества. Многие отмахиваются от неё, откладывают осмысление прошлого на «потом». Мы пытаемся объяснить молодым и немолодым людям, что забвение трагических и одновременно постыдных страниц личной истории каждого, истории страны создаёт возможность новых рецидивов прошлого.

Далеко не все нас понимают. Ну что ж, остается одно – работать. Тревожить совесть. Чтоб не выросло новое поколение молчащих и пособничающих...

– Невозможно описывать сложные объекты несложным образом, – так начинается наша беседа с председателем Пермской гражданской палаты Игорем Аверкиевым, одним из участников клуба «Диалог», благодаря которому, по мнению Александра Калиха, и появилось общество «Мемориал» в Перми.

Игорь Аверкиев: БЕЗ «МЕМОРИАЛА» ПЕРМЬ БЫЛА БЫ ДРУГОЙ

– На самом деле пермский «Мемориал» вполне может стать для нас образцом, описанным Дугласом Нортом. Это американский экономист. Он поделил все общества на общества открытого и закрытого порядка. Упрощая: к обществам закрытого порядка относятся традиционалистские, а открытого – современные, современные общества. Норт выделил некие формальные показатели того, что общество из закрытого порядка переходит в открытый порядок. Один из этих показателей: любые организации в обществах открытого порядка переживают своих создателей. Бизнесы, НКО, государственные структуры и так далее. То есть общества открытого порядка деперсонифицированы. Институты в них существуют сами по себе, а не усилиями основателей – потому и прочные. Так вот, «Мемориал» на сегодня – это практически единственная общественная организация Перми, которая, возможно, переживет своих основателей. «Пережила» – плохой термин. Но в сегодняшнем пермском «Мемориале» мы наблюдаем как раз такой случай: когда создатели отошли от активного управления, а с новым

руководством организация так же устойчива и продолжает действовать.

– **Что означает для вас пермский «Мемориал»?**

– «Мемориал» – старейшая гражданская организация в Перми и Пермском крае. Параллельно с ними в конце 80-х начинали и другие организации, но они давно «умерли».

– **Как вы оцениваете деятельность «Мемориала»?**

– Для меня очень важно исходить из того, что пермский «Мемориал», прежде всего, историко-культурная и социально-защитная организация. Это её существенно отличает от российского «Мемориала» и многих провинциальных. Российский «Мемориал» добавляет к этим двум ипостасям ещё и мощную правозащитную составляющую. Многие региональные «Мемориалы» также делают упор на правозащите, в меньшей степени, чем в Перми, занимались социальной защитой репрессированных и не имеют таких успехов в исследовательской

деятельности, какие имеет пермский «Мемориал». И в этом смысле пермский «Мемориал» как историко-культурная организация, специализирующаяся на сохранении исторической памяти о тоталитаризме и политических репрессиях, действительно самая мощная провинциальная организация. Их исследования в сфере истории репрессий и исторической памяти на голову, на порядок выше подобных усилий других провинциальных мемориалов. То же самое можно сказать и о социально-защитной функции нашего «Мемориала»: от формирования и поддержания нормативной базы социальной защиты репрессированных до многочисленных и многолетних благотворительных программ для них. Во всяком случае я не слышал, чтобы где-то ещё было что-то подобное. И как дело поставлено! Это высококвалифицированная, методическая и регулярная гуманитарная деятельность. И это отличает пермский «Мемориал» от других «Мемориалов», существующих по всей России. Как я уже говорил, ещё одна отличительная черта в том, что, в отличие от многих «Мемориалов»,

Пермский «Мемориал» как историко-культурная организация, специализирующаяся на сохранении исторической памяти о тоталитаризме и политических репрессиях, действительно самая мощная провинциальная организация.

наш «Мемориал» в меньшей степени правозащитная организация. Это не плохо и не хорошо – это его специфика. То есть современной защитой прав человека наш «Мемориал» практически никогда не занимался. Кроме такого специального и важного направления, как защита прав призывников. Несмотря на то что «Мемориал» не самоопределился у нас как правозащитная организация, он до недавнего времени был активной гражданской организацией. То есть участвовал во всех гражданских коалициях: хоть по поводу защиты выборов, хоть в работе Пермской гражданской ассамблеи по мониторингу детских домов, которая была у нас в начале двухтысячных годов, хоть в проекте по «капитальному ремонту» милиции. «Мемориал» всегда проявлял себя как очень мощный и ценный член пермского гражданского сообщества.

– Как изменилась бы пермская жизнь, если бы не было «Мемориала»?

– Вот тут нужно оговориться. Если бы не было какого «Мемориала»? Если бы вообще никакого «Мемориала» в Перми не было? Или если бы именно этого «Мемориала» в Перми не было? Ситуации, чтобы вообще «Мемориал» в Перми не возник, быть не могло. Какой-нибудь «Мемориал» в конце 80-х Перми бы обязательно появился – и репрессированные в Перми были, и очень активная либеральная интеллигенция. Поэтому лучше, конечно, обсуждать и фантазировать на тему, что было бы в Перми, если бы не было этого «Мемориала» – с этими людьми и так далее. Чего бы в Перми не было, если бы не было именно такого «Мемориала»? В Перми не было бы музея «Пермь-36». В Перми, наверное, не было бы «Сути времени», потому что они появились исключительно благодаря «Мемориалу». Памятника на Егошихе, соответственно, не было бы. Возможно, в России не было бы альтернативной

гражданской службы, поскольку закон был принят на основании эксперимента, который запустил и проводил пермский «Мемориал».

– Есть ли у вас какие-то истории, связанные с «Мемориалом»?

– Моё самое яркое впечатление от «Мемориала» – их проект с ремонтом

Как я уже говорил, ещё одна отличительная черта в том, что, в отличие от многих «Мемориалов», наш «Мемориал» в меньшей степени правозащитная организация. Это не плохо и не хорошо – это его специфика.

квартир. Я как-то прочитал, что они за сезон несколько квартир репрессированным отремонтировали, а всего в рамках этой программы за несколько лет было 58 квартир отремонтировано – я просто опешил! Я этого не знал. Я знал, что они что-то там ремонтируют, но что это в такие цифры выходит! Я опешил, очумел, обалдел! Такое невозможно представить. На сегодняшний день я не знаю ни одной гума-

нитарной, социальной организации, которая бы реализовывала такие объёмы физической и материальной работы. И это не «уси-пуси» психологам болтать о чём-то! Это существенный объём физического труда. Я не знаю других примеров, когда столько материального, овеществленного труда вложено в благополучателей.

Вторая история. Мало кто сегодня об этом знает, но музей «Пермь-36» – это проект пермского «Мемориала». Музей был создан на организационной, финансовой и человеческой платформе мемориала. Немалая часть музея «Пермь-36» просто сделана руками мемориальных волонтеров. И делали они это своими руками лет 20. То есть все эти годы – с конца 90-х – «Мемориал» имел административный, социальный и финансовый ресурс, чтобы каждый год собирать большое количество молодых людей со всей страны и даже со всей Европы, и даже со всего мира, которые реально помогали создавать этот самый музей. Думаю, об этом не следует забывать.

– Что бы вы пожелали мемориальцам в канун тридцатилетия организации?

– Я бы пожелал им вернуть себе активную гражданскую позицию – ни одним просветительством жива память о репрессиях. И обрести правозащитное лицо, поскольку правозащитный центр в Перми практически «умер». Гражданская палата тоже уже практически не занимается защитой прав человека. Я имею в виду классические права человека. Мы больше поддерживаем всякие гражданские инициативы, хотя в последнее время снова возвращаемся к правозащите – время такое. Так вот, в такое время кому как не «Мемориалу» противостоять новым, изощёренным, гибридным политическим репрессиям?

Моё самое яркое впечатление от «Мемориала» – их проект с ремонтом квартир. Я как-то прочитал, что они за сезон несколько квартир репрессированным отремонтировали, а всего в рамках этой программы за несколько лет было 58 квартир отремонтировано – я просто опешил!

ТАТЬЯНА МАРГОЛИНА

Сообщество ДОСТОЙНЫХ ЛЮДЕЙ

Первый Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, член Правления Европейского института омбудсменов Татьяна Марголина – старинный друг пермского «Мемориала». Её участие, сочувствие, помощь и поддержка всегда сопровождали эту организацию, помогая преодолевать разнообразные трудности.

– Что означает для вас пермский «Мемориал»?

– Для меня «Мемориал» – сообщество достойных людей, бережно и профессионально сохраняющих историческую память о жертвах репрессий, утверждающих ценности и приоритет человеческой личности в государстве.

– Как вы оцениваете деятельность пермского «Мемориала»?

– В целом, конечно, положительно. Очень жаль, что поддержка проектов «Мемориала» в последнее время идёт практически только с федерального уровня. Человеческий потенциал организации огромный!

– Если бы «Мемориала» не было, как изменилась бы жизнь в Пермском крае?

– Пермь не знала бы целые пласты истории пермского ГУЛАГА. Реабилитированные жертвы политических репрессий не получили бы общественного признания и возвращения их добрых имён.

Возможно, что федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» появился бы значительно позже, если бы не было просветительской деятельности «Центра поддержки молодежных демократических инициатив» (молодежного «Мемориала»). И очень трудно складывалась бы правоприменительная практика без постоянного

«Мемориал» – сообщество достойных людей, бережно и профессионально сохраняющих историческую память о жертвах репрессий, утверждающих ценности и приоритет человеческой личности в государстве.

участия в этих процессах «Мемориала». На мой взгляд, довольно часто мемориальцы – сигнальщики неблагополучия, и очень важно, что эти сигналы принимаются и в обществе, и в органах власти.

– Есть ли у вас какие-то истории, связанные с «Мемориалом»? Или ситуации, которые оказали на вас влияние?

– В начале 1990-х, когда ещё продолжались государственные демонстрации (1 мая и 7 ноября), меня заставили

И конечно, меня восхищает и впечатляет последовательная работа «Мемориала» по извлечению из тайн архивов тысяч и тысяч имён невинно пострадавших от террора, создание новой культуры – культуры памяти о жертвах.

...люди в колоннах – в возрасте, спокойные и решительные, я бы сказала – смелые. Это были те, кто прошли застенки и лагеря, невинно пострадавшие и их родственники. И они спокойно и решительно добились официального признания репрессий и статуса жертв политических репрессий.

задуматься колонны «Мемориала». Не только потому, что оформление колонны было особенным – громадный транспарант с одним словом «Мемориал» во всю ширину улицы. Но и люди в колоннах – в возрасте, спокойные и решительные, я бы сказала – смелые. Это были те, кто прошли застенки и лагеря, невинно пострадавшие и их родственники. И они спокойно и решительно добились официального признания репрессий и статуса жертв политических репрессий.

И ещё одна колонна на улицах города Перми, организованная «Мемориалом», но уже в 2006 году: нескончаемое «Полотно дружбы и мира», итоговая акция проекта «Мой мир без вражды», именуемая «Полотно мира». Тысячи молодых и не очень молодых жителей Прикамья выразили свою волю к миру на рукотворном полотне. Разноцветные лоскутки ткани передавали очень разные высказывания пермяков о том, что они хотят жить в мире, где нет места вражде. На протяжении многих лет, закрашивая фашистские символы, недружественные или откровенно националистические надписи на домах, стенах и заборах Перми, молодые люди делом говорили своё решительное «нет!» языку вражды.

Был просветительский проект для первоклассников «Я – человек! У меня есть права!». Я помню, как в гости к нам пришёл внучатый племянник – первоклассник. Он очень гордо показывал всем нам значок на груди с надписью «Я – человек! У меня есть права!». Нам было о чём поговорить с ним в этот вечер...

Эта миссия мемориальцев всегда находила мою поддержку, когда я была на государственной службе. А когда я прекратила государственную деятельность, в 2018 году я вступила в «Мемориал» и в настоящее время вхожу в состав его правления.

– Что бы вы пожелали мемориальцам в канун тридцатилетия организации?

– Основателям и ветеранам «Мемориала» желаю только здоровья и долгих лет жизни. Действующим мемориальцам – убедительности и аргументированности своих действий, освобождения от суеты, взаимного уважения и поддержки, надёжных партнёров в исторической науке, музейной и архивной общественности, в образовании, в органах власти.

Меня восхищает и впечатляет последовательная работа «Мемориала» по извлечению из тайн архивов тысяч и тысяч имён невинно пострадавших от террора, создание новой культуры – культуры памяти о жертвах.

АНДРЕЙ СУСЛОВ

**Без Пермского
«Мемориала» у меня
была бы совсем другая
ЖИЗНЬ**

– Роль «Мемориала» для Пермского края глобальна. За время существования общества сам факт появления такой сильной организации, с большим количеством членов этой организации, с влиятельными руководителями – влиятельными с точки зрения общественного мнения, – естественно воздействовало на общественную обстановку в крае, задавало тон, формат, направление. Это довольно сложно померить, но это для меня очевидно. Кроме того, от «Мемориала», и это было ещё в 90-е годы, исходили импульсы к созданию новых, неправительственных организаций. Собственно, так появился Пермский региональный правозащитный центр, так появился Центр гражданского образования, так появился Центр поддержки молодежных демократических инициатив. От «Мемориала» шли импульсы не только к тому, что было исключительно мемориальским делом – сохранение исторической памяти, поддержка репрессированных, но и другие общественно важные дела. Это и развитие волонтерского движения, альтернативная гражданская служба, кампании по преодолению языка вражды. Если задуматься о том, что делал «Мемориал» в рамках того времени, когда он существовал в нашем крае, и представить, что этого нет, я думаю, что картинка была бы совсем другой.

– Чем определилась такая сила влияния «Мемориала»: людьми, идеей, или просто время пришло и всё стало появляться?

– Я думаю, что дело в людях. Если сравнивать с другими регионами, не беря в расчет Москву и Санкт-Петербург,

Пермский «Мемориал» – один из самых общественно влиятельных, если не самый влиятельный в нашей стране. И это идет именно от людей! От того, как они могли выстраивать отношения, позиционировать себя – всё это имело значение.

поскольку это несопоставимые по масштабу города по населению, по концентрации интеллектуальных ресурсов и жертв репрессий, которые там живут. Если сравнивать с другими, даже региональными центрами, мы увидим, что пермский «Мемориал» – один из самых общественно влия-

Нести свой крест

Шеф-редактор Пермского интернет-ТВ Владислав Воробьев, рассуждая о «Мемориале», считает, что организация сложилась как личная миссия нескольких пермяков.

– Как вы оцениваете деятельность пермского «Мемориала»?

– Личная миссия иногда выглядит сектой, но первые христиане тоже были ей.

– Если бы «Мемориала» не было, как изменилась бы пермская жизнь?

– Поскольку, на мой взгляд, вся жизнь пермского гражданского общества состоит из нескольких миссий нескольких пермяков, считаю – нужны все. «Мемориал», как и другие пермские некоммерческие организации, слишком зависит от личности руководителя. Наверно, это неизбежно в российских условиях.

В канун юбилея организации Влад желает мемориальцам «нести свой крест, раз взвалили на себя. Да и он и не тяжел, если это свой выбор».

тельных, если не самый влиятельный в нашей стране. И это идет именно от людей! От того, как они могли выстраивать отношения, позиционировать себя – всё это имело значение. И общая политическая обстановка в регионе, возможно – традиционно более лояльное отношение власти к общественным инициативам. Да, это влияло. Но тем не менее, я думаю, что

рый потом уже отошел от руководства «Мемориалом». В более позднее время это и Виктор Шмыров, с которым вместе всё это начиналось. Виктор активно действовал как член «Мемориала», член правления «Мемориала». Это потом уже пошла история с музеем, и он стал этим заниматься.

– Есть ли у «Мемориала» будущее?

– Сложный вопрос. По всей вероятности, это зависит от двух вещей. Первое – какие люди будут руководить обществом, как они будут действовать, второе – понятно, что сама общественно-политическая ситуация в стране, в крае тоже влияет. Сказать наверняка, что будет даже так, как сейчас, нельзя. Сказать, не будет ли хуже, тоже нельзя.

– Как изменилась бы ваша жизнь без «Мемориала»?

– Кто были те люди, которые определили перспективы «Мемориала»?

– Если взять самое начало, то это, условно, Владимир Виниченко, кото-

– По всей видимости, я бы занимался исторической наукой и не занимался бы общественной активностью, гражданским образованием. То есть это была бы совсем другая жизнь.

РАМИЛЬ ФАТХУТДИНОВ

Здравствуйте! Меня зовут Рамиль. Вот уже 10 лет я работаю в Пермском «Мемориале». В последние годы – удаленно. После переезда в другой регион многие близкие спрашивают меня: «Почему ты все еще работаешь в пермском «Мемориале»? Что он тебе дает?»

Пермский «Мемориал»

дает гармонию с совестью

Для близких людей ответ мой краток – пермский «Мемориал» дает мне гармонию с совестью. Несмотря на то что вопрос совести касается внутренней и личной жизни, я все же решился написать более подробно о том, что дает мне пермский «Мемориал».

Я давно начал осознавать, что мне, как верующему человеку, для достижения гармонии с совестью необходима духовная практика. Но в современном ритме жизни сложно найти время, место и подходящую обстановку для ее реализации. Если только полностью менять уклад и образ своей жизни, что у меня не получается и не знаю когда получится. Так что отсутствие духовной практики давно привело к чувству постоянной дисгармонии со своей совестью.

Голос мой совести успокоился, когда я познакомился с пермским «Мемориалом» и начал участвовать в его деятельности. С 2008 года я собираю, исследую и публикую материалы по истории политических репрессий в Прикамье. Сбор воспоминаний у жертв репрессий в ходе поис-

ковых экспедиций, участие в исследовательских проектах («Карта ГУЛАГа», Книги Памяти), публикация архивных материалов, систематизация и ведение архива устной истории позволяет мне осознавать, что я вношу определенный вклад в увековечивание памяти о жертвах политических репрессий. Работаю в надежде, что благодаря нашей совместной мемориальной деятельности современное и будущее поколение будет знать эту трагическую историю и не позволит ей повториться в будущем.

Голос совести успокаивается в надежде на то, что в будущем моя мемориальная деятельность мне зачтется. Но если вдруг происходит длительный перерыв в этой деятельности, в силу различных причин и обстоятельств, голос совести просыпается и дает мне знать, что время, данное мне в этой жизни, нужно проводить со смыслом – продолжать мемориальскую работу или активно заниматься духовной практикой. На данном этапе жизни я выбираю первый вариант, но надеюсь, что в будущем получится все совместить.

Голос совести успокаивается в надежде на то, что в будущем моя мемориальная деятельность мне зачтется. Но если вдруг происходит длительный перерыв в этой деятельности, в силу различных причин и обстоятельств, голос совести просыпается и дает мне знать, что время, данное мне в этой жизни, нужно проводить со смыслом – продолжать мемориальскую работу или активно заниматься духовной практикой. На данном этапе жизни я выбираю первый вариант, но надеюсь, что в будущем получится все совместить.

**АЛЕКСАНДР
АСЛАНЬЯН**

Для меня «Мемориал» стал местом, где я нашёл возможность достать из недр своей памяти то важное, что называют корнями. Я врос в нашу землю тем, что своими делами старался сохранить не только свою, но и чужую память.

«Мемориал» – это большая гранитная скала

С другой стороны, я узнал не «парадную», но настоящую историю своей страны, своего региона. Чем мы только не занимались! Ходили в экспедиции, брали интервью у очень разных людей, создавали сайты, с картами и разнообразными материалами по мотивам наших исследований, проводили образовательные и просветительские тренинги, семинары, организовывали дискуссии, стояли в пикетах в защиту права на альтернативную гражданскую службу. Надеюсь, что мои труды и труды моих друзей не пошли прахом. Они должны вплестаться в жизнь окружающих людей. Люди без памяти – не имеют основания. Это как по болоту ходить в кедах. Тоже обувь, но утонешь вмиг!

Сегодня мне трудно спокойно говорить о «Мемориале». К сожалению, «Мемориал», который был раньше, ушёл, растворился в пересудах, человеческих отношениях. Жаль. Возможно, «Мемориал» исчерпал свою тему. Хотя мог бы работать ещё. «Мемориал» перестал быть актуальным. Он сосредоточился на одной теме. По-

пытки вырваться за счет разнообразия форм работы были, но поскольку оставались в пределах той же темы, прорыва не получилось. Всё всегда сводилось к вопросам памяти. Но о какой памяти идет речь? Памяти о репрессиях. Развивали волонтерство. А получилось по сути волонтерство о репрессиях. И так далее. В итоге сойти с наезженной колеи «Мемориал» не смог. Вместо того чтобы развивать гражданское общество, создавая новые повестки и направления, он остался стоять на месте.

Размышлять о том, что было, если бы не было «Мемориала» – глупо. История не знает сослагательного наклонения. «Мемориал» возник в нужном

месте в нужное время. Для меня время волонтерства и работы в «Мемориале» – интересный опыт.

Сегодня я бы пожелал «Мемориалу» найти свою тему и развиваться подобно легендарной птице Феникс. У «Мемориала» есть шанс! Пусть призрачный, но всё же. Я думаю, что эта организация ещё может стать неким основательным, серьезным, очень квалифицированным центром исследования общества. «Мемориал» – это не только тема репрессий. «Мемориал» – это большая гранитная скала, которая должна стоять долго. И пусть прибившиеся к её берегам люди смогут выйти на твердую почву, отдышаться и дальше идти по бурному морю жизни.

**«Мемориал» – это не только тема репрессий.
«Мемориал» – это большая гранитная скала,
которая должна стоять долго. И пусть
прибившиеся к её берегам люди смогут выйти
на твердую почву, отдышаться и дальше идти
по бурному морю жизни.**

Сотрудники и активисты «Мемориала» вызывают у меня глубокое уважение. Очень непросто ставить вехи памяти и правды там, где память и правда тщательно вытаптываются.

Любовь Соколова У «Мемориала» есть будущее!

Мой первый контакт с «Мемориалом» я запомнила надолго, теперь уж можно сказать, навсегда. Это было поздней осенью. Я снимала новостной сюжет для ТК «ВЕТТА». Кажется, 1993 год. Инфоповод связан был с установкой памятника жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище. Знаю, памятник установлен 30 октября 1996-го, но в тот раз, кажется, закладывали камень на месте будущего памятника. Потом все пошли в церковь, не Всесвятскую, а ту, что ближе. Она не так давно открылась, а до того много лет служила скалодромом для местных альпинистов. Так вот, в той церкви происходило что-то вроде молебна по жертвам.

Всем раздали свечи с бумажками, чтоб не закапать пальцы текущим воском. Все эти детали для меня были в новинку, я человек не воцерковленный, любопытствующий. Оператор снимает, а я взяла свечку, как все, и стою. Ко мне подошел Миша Калих и говорит: «Журналисту важно различать, находишься на мероприятии в качестве участника или корреспондента, даже если разделяешь убеждения тех, о ком снимаешь сюжет». Свечку я после этого кому-то отдала. Урок усвоила.

Сотрудники и активисты «Мемориала» вызывают у меня глубокое уважение. Очень непросто ставить вехи памяти и правды там, где память и правда тщательно вытаптываются. Мне кажется, у этих людей просто нет выбора, они не могут жить иначе, это призвание. Хотя ведь что может быть проще, чем изменить своему призванию под давлением обстоятельств? Очень немногие из жертв тех репрессий были героями. А для сохранения памяти и правды требуется именно гражданский подвиг, подвижничество, при неблагоприятном стечении обстоятельств – и героизм.

Хотелось бы надеяться, что достаточно будет и подвижничества. Пусть трудно, но хотя бы выносимо. «Мемориалу» приходится работать с детьми жертв, второй производной, очень пожилыми и зачастую трудными людьми, склонными поддаваться любым

воздействиям. Пусть хватит терпения и милосердия! Есть и третья производная – молодежь «Мемориала». Немногие способны так самоотверженно любить Родину, как эти люди. Любить не приукрашенную Родину, не отлакированную патриотической пропагандой, дано не каждому. Может быть, у Родины есть будущее только благодаря этим молодым, честным и целеустремленным мемориальцам.

Разумеется, «Мемориал» изменился за годы, прошедшие с его создания. Способность меняться и оставаться верным первоначальной идее – в этом залог жизнестойкости организации. Надеюсь, у «Мемориала» есть будущее не потому, что сохраняется угроза возобновления репрессий. А потому, что связь с прошлым не должна прерываться и взгляд в прошлое должен быть честным, если мы хотим иметь будущее, не отравленное ложью.

Очень немногие из жертв тех репрессий были героями. А для сохранения памяти и правды требуется именно гражданский подвиг, подвижничество, при неблагоприятном стечении обстоятельств – и героизм.

НИКОЛАЙ ДЕВЯТКИН

«Мемориал»: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Мы вместе начинали – Александр Калих, Израиль Зекцер и я. Мне предложили возглавить комиссию по реабилитации жертв репрессий, и я согласился. Работы было много. Только что вышел закон, который требовал очень большого вмешательства. Раз или два в месяц мы собирали эту комиссию, рассматривали проблемные вопросы. В том числе и строительство небольшого мемориального комплекса, который на Егошихинском кладбище стоит. Мы открывали этот памятник. Ежегодно, вот уже много лет, там 30 октября проводятся митинги памяти.

Какие были сложности? Я думаю, что тогда далеко не каждый понимал суть и содержание тех мероприятий, которые были связаны как с процессами реабилитации, так и со строительством мемориала. Видели мы в глазах тех, кто пережил все эти тра-

гедии в семье, радость со слезами. Ведь всё-таки увековечили память их родных, не забывают! И ведь они, по сути дела, реабилитированы. Много проблем приходилось решать. Но я должен сказать, что откликнулись в поддержку строительства этого ме-

мориала и хозяйствующие субъекты, и бизнесмены, и просто граждане Перми и Пермской области. Было непросто, но нам удалось достичь согласия. Очень активную позицию занимал Александр Калих. Израиль Зекцер активно добивался восстанов-

Я думаю, что тогда далеко не каждый понимал суть и содержание тех мероприятий, которые были связаны как с процессами реабилитации, так и со строительством мемориала.

мал происходящую ситуацию. Изучил закон, начал работать. Часто бывало, что то в одном месте тормозится законное решение, то в другом. Сначала отдельным людям помогали, потом вышли на строительство мемориала. Потом стали возить по три-четыре автобуса на мемориал, который под Свердловском. Панихиды начали проводить на 30 октября. Затем стали называть панихиды митингом памяти. И до сих пор все эти дела живут, всё это есть в Пермском крае.

На мой взгляд, главное, что дал «Мемориал» Пермскому краю – возрождение памяти. Памяти тех, кто пострадал, уважение детям и близким, родственникам. Я ещё раз повторюсь, что было приятно видеть радость со слезами на глазах ежегодно, когда приходят люди на этот мемориал. Хочется, чтобы этот памятник стоял вечно и память была вечной. В этом вся ценность и заключается. Мемориальцам удалось возбудить память в жителях нашего Пермского края. И когда некоторые говорят, что не нужно обращаться к этой истории, я сразу выражаю несогласие. Это неправильно. Категорически неправильно! Люди, которые попали под репрессии, невиновны. Невиновны их дети, их родители, их жены. Почему это не возродить в нашей памяти? Мы всегда поминаем погибших. У каждого в семье есть традиции. Ежегодно мы ездим на кладбище, поминаем деда, бабушку, потом родителей, других близких. Ежегодно! Это и есть память. Почему люди, чьи близкие уничтожены в годы репрессий, не могут возродить память о них? Я считаю, что государство обязано помочь это сделать. Оно и сделало.

ления нарушенных прав. Комиссия у нас очень единодушно работала, мы поддерживали друг друга в решении разнообразных проблем, которые возникали. Во взаимодействии не было никаких препятствий.

Сегодня для меня очень важно осознание того, что достигнута наша цель, которая была определена инициативой Александра Калиха и Израиля Зекцера. Неплохой получился мемориальный комплекс. Он, конечно, небольшой. Но всё равно мемориал, памятник жертвам политических репрессий.

Комиссия по защите прав реабилитированных жертв политических репрессий – и сегодня очень важный орган. Там, где не хватает сил и возможностей граждан, всегда необходима государственная поддержка. И комиссия помогает в разных начинаниях. Когда мы начинали, губерна-

тор Геннадий Игумнов помогал нам во всех начинаниях. Проблему обозначаем, согласовываем, утверждаем и двигаемся дальше. Вышел закон о реабилитации, в котором было прописано, что должны создаваться комиссии при органах власти. Сначала шло обсуждение при ком эту комиссию создавать: либо при губернаторе на уровне зама, либо в Законодательном Собрании на уровне заместителей как минимум. Тогда, я думаю, четко было определено, что реализация этого закона – прерогатива представительного органа власти. И тогда было принято решение, что председатель, тогда им был Израиль Зекцер, был в штате администрации, а комиссия была при Законодательном Собрании. Мы объединили исполнительную и представительную власть в одно. Для реализации этого закона мы так сделали. И меня пригласили возглавить. Я подумал, что раз надо – значит надо. Хотя, честно говоря, тогда плохо пони-

Сегодня для меня очень важно осознание того, что достигнута наша цель, которая была определена инициативой Александра Калиха и Израиля Зекцера. Неплохой получился мемориальный комплекс!

Здесь мой тёплый дом, любимые друзья

Мануэла Путц, кандидат исторических наук, научный сотрудник Исследовательского центра изучения Восточной Европы при Бременском университете, исследователь истории советского ГУЛАГА и диссидентского движения послесталинской эпохи

– Мы отмечаем серьёзную дату – 30-летие Пермского «Мемориала». Ты – давний наш друг и была, по сути, у самых истоков организации. Хочу спросить тебя, всё ли по-прежнему? Сохранилась ли в твоём сердце наша дружба, не забыла ли «Мемориал»?

– Спасибо за хорошие слова! Конечно, помню и люблю всех пермских друзей. Но всё-таки, извини, хочу уточнить: «Мемориал» возник намного раньше, я пришла к вам в начале 2000-х. Тогда я училась на историческом факультете университета имени Гумбольдта в Берлине, а

стажировалась в Перми, в Уральском центре поддержки негосударственных организаций (УЦП НГО). И ничто вроде бы не предвещало, что моя судьба решится именно здесь, в далеком уральском городе. Сначала я просто присматривалась к вашей работе, читала публикации об истории политических репрессий, потом познакомилась с волонтерами «Мемориала». Навсегда запомнила первое посещение бывшей колонии для политических заключённых «Пермь-36». Потом – летние волонтерские лагеря. Они были насыщены работой на объектах музея, совместными размышлениями о прошлом и будущем наших стран, дискуссиями, встречами, кострами на берегу реки Чусовой.

Пермский «Мемориал» для меня был и остаётся хорошим примером успешной работы с общественностью. Поэтому почти сразу возникла идея о проведении совместных проектов. Между тем я продолжала работать в УЦП НГО и после стажировки вернулась в общественную организацию «Русско-немецкий обмен» в Берлине. Одновременно училась на историческом факультете, где сначала написала курсовую работу по истории репрессий на Урале, а затем – дипломную работу по теме «ГУЛАГ и роль профессиональных преступников в управлении лагерями, в оказании давления на рядовых заключённых».

Тема истории репрессий сначала волновала меня просто по-человечески – ведь сколько было невинных жертв! Но потом из вполне гражданских интересов она переросла в профессиональное призвание, в потребность научного исследования причин и последствий государственного террора. Как-то сама собой сформулировалась цель, выстроилась последовательность действий. В 2003 году стала членом немецкого «Мемориала». Но пришла туда не просто так, а с целью осуществить совместные проекты с пермскими друзьями. У нас появились общие идеи, связанные расширением зоны интеллектуального общения молодёжи двух стран. Мои немецкие коллеги в немецком «Мемориале», если можно так выразиться, специализировались тогда на социальной поддержке бывших репрессированных, членов питерского «Мемориала». А я принесла новую, пермскую тему, а с ней и новые задачи.

С 2004 года начались совместные проекты – первая летняя школа по истории ГУЛАГа с участием студентов исторических факультетов из университетов Берлина, Перми и Воронежа. В 2008-м я стала работать в Исследовательском центре изучения Восточной Европы в Бремене, и почти сразу организовали вместе с Робертом Латыповым очередную русско-немецкую летнюю школу. В этот раз она была посвящена теме культуры памяти на примере пермских музеев, которые говорят о политических репрессиях. Большой интерес немецких студентов-историков состоял и состоит не только в возможности повысить квалификацию, познакомиться с русской культурой. Ведь одно дело – читать книжки по какой-либо теме, другое – побывать в исторических местах, завязать живые контакты, увидеть всё своими глазами, и главное – общаться с людьми, вести совместные дискуссии. И такая летняя школа была большой профессиональной удачей для всех участников. В 2011 году выпустили совместный сборник «ГУЛАГ в рос-

сийской памяти» со статьями членов русско-германской исследовательской группы в Пермском крае. За год до этого сборник вышел на немецком языке.

Ты спрашиваешь, не забыла ли я пермский «Мемориал»? Это невозможно! Ведь мы продолжаем работать вместе, у нас общие цели и планы. Так, в будущем планируем издать книгу о проявлениях международной солидарности к советским узникам совести во время «холодной войны».

В личном плане пермский «Мемориал» для меня – это некий дом, тёплый дом, в котором царит нежная, семейная атмосфера. К нему хочется возвращаться. Когда ты живёшь где-то далеко, то очень хочется иметь причал, место, где тебе хорошо, где тебя поддерживают, принимают такой, какая ты есть. Ситуация изменилась, я уже давно не живу в Перми, а эти чувства остались.

– В Германии широко развита благотворительность. Она включает в себя самые разнообразные общественные движения – от спортклубов до помощи беженцам. Вам издалека может показаться, что в России всё выглядит гладко по оказанию помощи таким организациям, как «Мемориал». Почти так же, как в вашей стране.

– Я вряд ли смогу оценить ситуацию с полным знанием дела, так как не работаю в социальной сфере. Традиция жертвовать деньги и помогать общественным организациям не так развита в России, как у нас. То же самое касается и волонтерства. В принципе, «третий сектор» в России очень разнообразен. Гражданская активность может проявляться по-разному, и милосердие можно проявлять разными способами, не только ухаживая за пожилыми людьми или детьми. Но то, что ситуация вокруг НКО в России изменилась в худшую сторону, видно невооруженным глазом. Один закон об «иностранных агентах» чего стоит...

Политическая ситуация очень усложняет сотрудничество, причём на разных уровнях, не только между НКО, но и на межгосударственном уровне. Естественно, мы чувствуем приливы и отливы в работе российских и немецких НКО, так же как чувствуем их и в действиях властей. Но мы стараемся работать, сотрудничать как прежде, стараемся не замечать трудности, действовать так, как будто ничего не изменилось. Трудно предугадать, что будет в будущем, но пока наша дружба и личные контакты преодолевают изоляцию, навязываемую некоторыми политиками.

Да, тяжело так работать. Трудно забыть, что над «Мемориалом» висит постоянная опасность судебных разбирательств, травли в «желтой» прессе, повседневных проблем с поисками финансирования. Но я хочу призвать пермских коллег: «Давайте сделаем всё, чтобы не растерять наш традиционный оптимизм! Верю, что все проблемы пройдут, останутся в прошлом, что «Мемориал», как и прежде, будет теплым домом для всех своих друзей, для российских и зарубежных волонтеров».

Арсений Рогинский: О свободе слова и праве на память

18 декабря 2017 года осиротели все мемориальцы – умер Арсений Рогинский, председатель Правления Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

Арсений Рогинский – человек-легенда, человек-двигатель, человек-труженик. Спокойный, но упорный, вежливый, интеллигентный, утонченный, он много работал с различными материалами, призванными увековечивать память, встречался с людьми, гнул свою линию и был вдохновителем для многих мемориальцев. Светлый и лёгкий человек, прошедший тюрьмы и лагеря, сохранивший веру в человечность, ценивший каждую человеческую жизнь, он часто бывал в Перми, участвуя как в форуме «Пилорама», так и в разнообразных встречах, будь то собрание мемориальцев или заседание рабочей группы в аппарате Уполномоченного по правам человека.

торый у вас хватит денег в кармане. Если купит ее какой-нибудь рекламщик или издатель и издаст тиражом сто тысяч – ради бога. Но на самом деле в этой стране имеют смысл по-настоящему и влияют на массовое сознание только электронные средства массовой информации. Только телевидение или радио. Только они доходят до сел и окраин, до каждой бабушки, в конце концов. А вот эти средства массовой информации, принадлежащие прямо или косвенно государству почти на сто процентов, и конечно же далеко не всякую информацию в себе пропускают. Я имею в виду даже хорошо выверенную критическую информацию. Они и не должны пропускать всякую ин-

по телевидению на первых каналах появлялись Сергей Ковалев (*Сергей Ковалев, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в 1994–1995 годах.* – Прим. ред.) или Владимир Рыжков (*Владимир Рыжков, российский политик и государственный деятель.* – Прим. ред.), или кто угодно. Вот если бы они появлялись, тогда бы мы сказали, что со свободой слова у нас все в порядке.

– То есть отследить реализацию свободы слова мы можем через то, какие люди появляются в публичном пространстве, государством организованном, и о каких проблемах говорят СМИ?

– И личности, и проблематика здесь очень сильно связаны. Если бы эти люди появлялись на телевидении, я бы мог сказать, что со свободой слова у нас все в порядке. У нас сейчас далеко не все в порядке, и как раз в том направлении, о котором я говорю.

– Что можно сделать гражданам, обществу для создания пространства свободы слова?

– Для создания пространства свободы слова необходимо активно участвовать в политической жизни, добиваться нормального выборного процесса и, в конечном счете, добиваться разгосударствления наших масс-медиа. Вот тогда, когда они будут по-настоящему разгосударствлены, тогда у нас появится, тогда у нас будет настоящая свобода слова!

Формально у нас есть свобода слова в России. Не меньше, чем где бы то ни было, не меньше, чем в другой стране. Но у нас нет пространства для свободы слова.

В дни последней «Пилорамы» на земле поселка Кучино мы говорили о свободе слова. В то время общественности представили государственную Программу увековечивания памяти жертв политических репрессий, одним из разработчиков которой был Арсений Борисович. Мы верили, что теперь-то перед «Мемориалом» открываются новые горизонты, ибо кому как не им, накопившим опыт, создавшим архивы, узнаваемым и уважаемым, продвигать эту, уже государственную, политику памяти.

Горизонты не открылись. Но наш разговор остался.

– Арсений Борисович, есть ли у вас ощущение, что сегодня, несмотря на развитие сети Интернет, свобода слова как-то исчезает, сворачивается?

– Формально у нас есть свобода слова в России. Не меньше, чем где бы то ни было, не меньше, чем в другой стране. Но у нас нет пространства для свободы слова. Для свободы слова должно быть юридическое обеспечение. Вот с точки зрения реального правового обеспечения у нас все в порядке. Вы можете написать книгу о Путине, сказать там все, что вы о нем думаете, и издать ее тиражом, на ко-

формацию. Но выверенную критическую – должны пропускать. А они не пропускают! Они пропускают только то, что с их точки зрения не повредит их отношениям либо с властью, которой принадлежит издание, либо с бизнесом, который тоже не пропустит туда того, что повредит его отношениям с этой властью. А так со свободой слова у нас все в порядке!

И можно привести множество примеров, когда какие-то книги издаются. Это все имеет отношение к свободе слова. А вот пространство для свободы слова у нас абсолютно и жестко ограничено. Если бы у нас

Для создания пространства свободы слова необходимо активно участвовать в политической жизни, добиваться нормального выборного процесса и, в конечном счете, добиваться разгосударствления наших масс-медиа. Вот тогда, когда они будут по-настоящему разгосударствлены, тогда у нас появится, тогда у нас будет настоящая свобода слова! То есть СМИ перестанут не только прямо, но и косвенно зависеть от власти.

То есть СМИ перестанут не только прямо, но и косвенно зависеть от власти.

– Мои коллеги считают, что в Перми нет проблем со свободой слова. Я убеждена, что нам как раз и не хватает пространства для обсуждения каких-то проблем. А вы как думаете?

– Если бы в Перми не было проблем со свободой слова, то пермское телевидение, пермское радио ухватывало бы тех очень интересных людей, которые к вам приезжают. К примеру, на «Пилораму» приезжают. Брали бы у них интервью, задавая самые острые вопросы, запускали бы эти интервью в прямой эфир или в запись. Вот тогда был бы совершенно другой разговор!

– Арсений Борисович, я, когда мы с коллегами спорили, приводила примеры о том, как пермские СМИ освещали Первомайские демонстрации, когда дважды из сюжета вырезали колонны гражданских активистов, отстаивающих прямые выборы мэра.

– Понятная очень вещь в этой стране. Все со свободой слова в порядке. Она есть, но в определенном смысле. Ведь она есть у нас, например, в «Новой газете». Но для нашей страны

дой взглядов. Допустим, вас покажут на правах рекламы. Но это ведь не значит, что покажут всех, кого надо показать. Во-вторых, нет гарантии, что покажут как надо.

Это было в 2012 году на демократическом форуме, который проводился в последний раз. Впереди ещё будут встречи и разговоры. Он придет на презентацию книги «Топография террора». Будет участвовать в переговорах в попытке сохранить музей «Пермь-36» в том виде, в котором он задумывался авторами. Несмотря на трудности со здоровьем, он всегда будет работать, спорить и бороться за всё человеческое в нас. Судя по фильму Людмилы

Ну что надо делать, чтобы себя уважать? – спрашивает с экрана Арсений Борисович, во второй главе фильма «Запретная память». И сам же отвечает: это всё очень просто – надо что-то делать! Вот существовал путь моих знакомых, иногда и друзей – путь прямого протеста. Он меня не очень интересовал. Мне хотелось... Ну, не то чтобы мне хотелось и я выбирал, это само собой получалось. Мне хотелось заниматься чем-то, что мне было бы очень интересно. И я понимал, что существует абсолютная черная дыра на месте этой советской истории, на месте советского террора. И эту дыру надо заполнять. Надо заполнять фактурой. А откуда берется фактура? В архивы не попадешь, потому что архивы, связанные с этим, закрыты три раза, или, как мы думали, даже в большей степени уничтожены. К счастью, обнаружилось, что это не так. Значит, надо было иметь в виду людей, которых вокруг нас было много, и домашние архивы. Значит, надо было найти дорогу к этим архивам и головам этих людей. Начали искать дорогу. Всё просто.

Найденная в XX веке дорога к исторической памяти до сих пор «протаптывается» людьми разных поколений. Независимо от того, сколько каждому из нас предстоит прошагать по ней, какие открытия для себя и других мы совершим, важно помнить тех, кто стоял у истоков, соотносясь с ними, выверяя свой курс по их идеям и ценностям. Арсений Рогинский – один из таких маяков, свет которого теплится в сердце мемориальцев.

У порядочного человека были всё равно поиски своего места в жизни. Ну, что надо делать, чтобы себя уважать?

тираж 100–150 тысяч – это не тираж. Понимаете, да? И она есть в издательствах, где тираж 1–2 тысячи экземпляров. Есть свобода слова, но это пространство такое маленькое, такое ограниченное, не цельное, составляет из себя систему маленьких островков, которых и так мало.

– Есть позиция некоторых представителей власти, которая звучит так: «Мы ведь вас не ограничиваем. Эфир – денег стоит. Идите, платите на общих основаниях, и говорите о том, что вас волнует».

– То есть они предлагают нам пропагандировать свои взгляды на правах рекламы? Но это же просто безумие! Это значит, что совсем все не в порядке. Во-первых, это не будет пропаган-

Гордон «Право на память», за 2016 год Арсений Борисович записал много различных материалов об истории, о себе, о жизни и о людях, которые его окружали. Премьера документального фильма состоялась 30 марта 2018 года. Мы сидели в зале Центра городской культуры, а живой Рогинский напротив много курил, интересно рассказывал, шутил и переживал какие-то особенно значимые моменты своей жизни. Эффект присутствия был потрясающим! Даже нос от дыма щемило. И слезы текли от историй.

– У порядочного человека были всё равно поиски своего места в жизни.

Всё очень просто: надо что-то делать!

Идея создания на базе тюремного замка, бывшей тюрьмы НКВД №2, историко-просветительского комплекса много лет витала в воздухе. И вот однажды руководитель пермского «Мемориала» Александр Калих и художественный руководитель театра кукол Игорь Тернавский, объединив усилия, ресурсы, страсти, приступили к работе по созданию экспозиции в подсобных помещениях театра.

Свет, озаряющий прошлое

– Как такое можно соединять? – негодовали обыватели, – Тюрьма и учреждение культуры не могут быть в одно и то же время в одном и том же месте!

Именно здесь до 50-х годов XX века действовала тюрьма НКВД №2. Вследствие нечеловеческих условий содержания в этой тюрьме погибли многие ни в чем не повинные люди. Судьбы тысяч жителей края так или иначе связаны с этими стенами, мрачными камерами.

Эксперимент был рискованным. Но так сложилась судьба этого здания, построенного как раз для пенитенциарных, нежели культурных целей. Несколько лет просуществовал информационно-просветительский центр «Мемориала» в стенах действующего театра. Интересным казалось не только собирать материалы о людях, прошедших через это учреждение, об устройстве камер и прочем. Интересно было «пожить» в этих стенах, отдав дань времени, переживая те события во время экскурсий, которые завершались просмотром фильма. Около года здание «обживалось» в старом и новом времени.

Летом 2011 года на объекте работала международная волонтерская смена под руководством Андрея Калиха и Ольги Галиевой. Участники Международного волонтерского лагеря «Стирая границы» создавали музей политических репрессий на территории г. Перми. Помогая в реставрационных и строительных работах, молодые люди из разных стран вносили свой вклад в строительство музея. Поддержку лагерю на протяжении нескольких лет оказывали Комитет по молодёжной политике администрации города Перми и немецкая организация «Строительный ордер».

Подсобные помещения театра стали преобразовываться: на дверь наклеили символическое оформление, появились условные решётки, в коридоре возникали стенды, рассказывающие о жизни в этом месте в годы Большого террора. Конец коридора увенчал экран, призванный демонстрировать фильм, который завершает экскурсию. В старом тюремном дворе даже пару раз проводились торжественные октябрьские мероприятия, посвященные памяти жертв политических репрессий: разные люди произносили речи, возлагали цветы, вспоминали и скорбели. Не было равнодушных. Очень живые впечатления дарил это путешествие в прошлое!

Всё, что связано с историко-просветительским центром, закончилось со смертью Игоря Тернавского. Изменилось руководство театра, сменились ценности, другие задачи вышли на первый план. Но наша память навсегда сохранит и свет той дружбы, дающей «Мемориалу» и мемориальцам новые возможности, и радость совместных трудов-поисков-обретений, и верность делу, которое Игорь Нисонович считал важным.

АЛЕКСАНДР КАЛИХ

Все акции Пермского «Мемориала» уже многие годы начинаются и заканчиваются исполнением «мемориального» гимна; записан он в исполнении Михаила Черепанова.

Наш гимн и голос Миши Черепанова

20 октября 2016 года умер Михаил Черепанов. На митинге памяти жертв политических репрессий 30 октября в тот год гимн впервые звучал без него – но по-прежнему его голосом, как будет звучать и на нынешнем митинге 30 октября. Мишин голос и память о нём будут с нами.

Недавно Пермский классический университет, где Михаил учился на филфаке, выпустил книгу с подборкой воспоминаний родных и друзей о нём. Предлагаем одну главку из этой подборки, написанную Александром Калихом, основателем и почётным председателем общества «Мемориал». Мы познакомились с ним заочно. После окончания журфака в Уральском госуниверситете в Свердловске нас с женой – Ириной Кизиловой направили работать в Киров. Однажды по телевизору я смотрел передачу,

которая мне очень нравилась – «Алло, мы ищем таланты!». Она была так же популярна, как сейчас, например, «Голос». Я запомнил, что ансамбль «Бригантина», который пел особенно понравившуюся мне песню – про «рыжего» – был из Перми. Там ещё были слова:

«А я не рыжий, я не рыжий, не рыжий я, а золотой».

Мне тогда показалось, что солист, который исполнял эту песню, и вправду был рыжим...

А потом мы переехали в Пермь. Однажды в курилке библиотеки я смотрю – знакомый парень... но не рыжий!

Подхожу, спрашиваю: «Скажите, а не вы ли пели по телевидению вот такую

вот песню?» Он улыбнулся сдержанно и говорит: «Я!» И вот с того времени – а это был 1971 или 1972 год – мы стали общаться.

Мы о многом спорили, многое обсуждали: и литературу, и проблемы философии, и наши либеральные, а на самом деле – нормальные человеческие взгляды... Он рассказывал, как писал диплом по творчеству Юрия Трифонова. Трифонов – это был наш тогда любимый писатель: «Обмен», «Дом на набережной», «Старик»... Миша всё очень хорошо толковал. Объяснял. Он очень интересно рассказывал о том, как он понимает творчество Трифонова, его поэтику... рассказывал, как к писателю в Москву ездил и как Трифонов его замечательно, по-человечески принял. Трифонов – писатель демократической интеллигенции, для нас его имя было

своеобразным кодом. Хорошее такое, тёплое общение было с Мишей. Я считаю, что эта встреча была предопределена, и мы долго работали вместе. Миша был человек очень в себе, по-хорошему в себе, погружённый в себя. Есть неприятные люди «в футляре», они как бы прячутся от всех, эгоистически предпочитая исключительно свой мир. Но это не про Мишу.

Для него все миры были равны. Он очень многое умел делать руками: сказывалась крестьянская жилка, – и мне это очень нравилось. Всё знал о земле, о лесе, о рыбалке... Был человеком думающим, но не напоказ. Он был умён, но никогда не умничал, поэтому и наша «мемориальская» молодёжь его очень любила. А ещё – за простоту и за понятность, и за понятливость.

Пермское отделение общества «Мемориал» образовалось в декабре 1988 года. Примерно в то же время я занимался и музеем «Пермь-36», а потом ещё созданием газеты «Пермские новости» – в 1991 году.

Музей «Пермь-36» стал отдельной организацией, учредителем которой был «Мемориал». Позже, когда ди-

ректором музея стал Виктор Александрович Шмыров, Михаил был его заместителем по вопросам науки. Была команда основателей – Калих, Шмыров, Черепанов, Зыков и Ворошкин. Это те люди, которые с первого камешка этот музей начинали делать. Мы ещё много не успели восстановить, но экскурсии туда уже водили. Миша Черепанов был и остаётся лучшим экскурсоводом этого музея. Восхищало его умение рассказывать о том, чего в тот момент ещё практически не было. Были только разрушенные, разворованные бараки, но он рассказывал так, что живая картинка появлялась перед глазами. Причём без всяких видимых усилий он умел это делать. Миша ездил в командировки: в Прибалтику, на Украину, брал интервью у бывших сидельцев «Перми-36», записывал их воспоминания. Это была высшая ценность – ему верили люди, с которыми он разговаривал. На базе будущего музея провели несколько научно-практических конференций, после которых были опубликованы сборники воспоминаний, докладов участников этих конференций. Съезжались и учёные-историки, эксперты, и сами сидельцы – те, кто ещё остался в живых. Миша создавал для нас своеобразную мораль-

ную базу: бывшие заключённые должны были поверить нам, людям, которые стали создавать музей. В те времена было достаточно желающих сделать себе имя на историях сидельцев, на их страданиях. Бывшие заключённые сначала были очень осторожны, но Миша был человеком, которому они верили. Постепенно вера этих людей перешла и на всё наше дело. «Политэки» поверили, что мы честно хотим создать музей истории политических репрессий. Эта вера в огромной степени была Мишиной заслугой. Позже в молодёжном «Мемориале» он помогал проводить волонтерские лагеря, организовывал производственную часть программы, стал редактором нашей газеты «Волонтеркин».

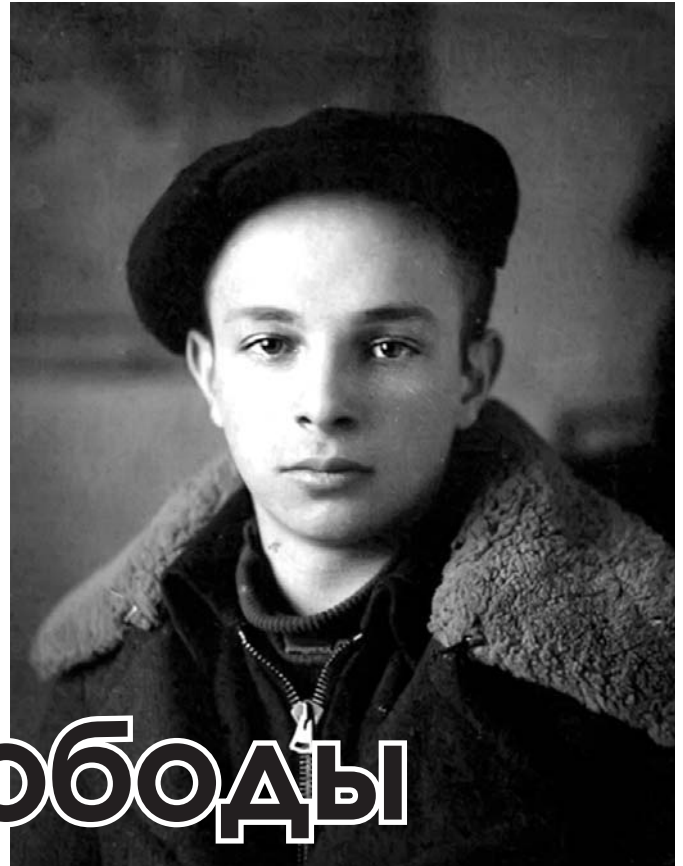
И ещё одна история. О создании гимна нашего «Мемориала». Ирина Кизилова написала стихи, Виктор Гусаров, бывший тогда заведующим Пермским областным отделом образования, сочинил музыку, а Миша спел и записал гимн. Он звучит и по сей день. Мишиным голосом.

Гимн в исполнении Михаила Черепанова можно прослушать здесь: <https://vk.com/club48629483>

АЛЕКСАНДР КАЛИХ

В 1945 году группа десятиклассников из пермской школы №11 создала антисоветскую организацию.

Воздух СВОБОДЫ

Без всяких преувеличений, Израиль Абрамович Зекцер – культовая фигура в истории Пермского краевого «Мемориала». Его помнят и чтут сотни пострадавших в годы репрессий людей, которым он помог, сумел защитить в суде, вернул честное имя, привлек к активной общественной деятельности.

Он умер летом 2002 года, умер неожиданно, на минуту оторвавшись от дел. Боль от удара, который мы тогда пережили, не прошла до сих пор.

...Мы познакомились летом 1990 года. Первое, что бросилось в глаза: маленький рост и исходившая от него сила. О таких говорят – твердый орешек. Другим ему быть просто не суждено, не выдержал бы того, что на его долю выпало. Жизненные университеты пришлось проходить сначала в тюрьме, потом в ссылке. В случае с обманчиво маленьким 16-летним Зекцером чекисты явно просчитались: им не удалось сломить мальчишку, наоборот, из него вырос человек высочайшего мужества и закалки.

В том же 1990 году Израйля Абрамовича избрали председателем Ассоциации жертв политических репрессий. Вокруг него объединилось сообщество пожилых, многое выстрадавших людей. Он учил их помогать друг другу, общаться, делиться всем, что имеют. Даже завел кассу взаимопомощи. Детально изучил законодательство, посвященное репрессированным, стал в этой части истинным экспертом, с ним советовались юристы. Вслед за ним набирались знаний координаторы районных филиалов, все вместе они создали полноценную систему юридической консультации для всех нуждающихся.

В деле правовой защиты своих собратьев по судьбе Зекцер не знал компромиссов, он мог из нужного чиновника

вытянуть все жилы. Он был максималист. Он знал о жизни репрессированных все, потому что сам прошел весь их тяжкий путь. Он был совершенно бескорыстным. И все, даже его враги, знали, что этот человек в своих словах и поступках руководствуется одним только нравственным законом, законом совести.

«...Я мечтал стать ученым-физиком, атомщиком либо астрономом. Увы, судьба не позволила мне подняться выше прикладной геофизики». С этих строк Израиль Абрамович Зекцер начинает свой рассказ об испытаниях, выпавших на его долю в послевоенные годы. Его воспоминания были опубликованы в первом томе Книги памяти «Годы террора», изданном в 1998 году.

Израиль Зекцер родился в Ровно. В 1939 году после заключения пакта Молотова – Риббентропа и раздела Польши он вместе с семьей оказался на советской территории. После начала войны семью эвакуировали сначала в Киев, а затем в Пермь. К концу войны Зекцер уже был комсомольцем и пионервожатым. Всеобщая победная эйфория укрепила его патриотизм, а вместе с ним и желание сделать советскую жизнь еще лучше.

Все началось осенью 1945 года. Изя учился в десятом классе школы № 11, той самой, которая теперь известна как гимназия им. С. П. Дягилева. Уже тогда до него дошли слухи о массовых арестах. 16-летний мальчишка все чаще задумывался о том, почему в газетах говорят одно, а делается другое, почему мы так беззащитно хвалим себя, а сказать правду боимся. «Перепополненный чувством неудовлетворенной справедливости, – пишет автор воспоминаний, – я и создал «Новую коммунистическую партию справедливости».

Нелегальная партия признавала программу ВКП(б), но её устав собиралась переработать. Школьники поставили перед собой цели, масштабы и смысл которых вряд ли сами осознавали, – восстановить справедливость, устранить коррупцию, построить «действительно социалистическое» общество. Юные романтики, не имевшие представления, с кем и с чем они имеют дело, затеяли опасную игру. Впрочем, зная характер их лидера, могу твердо сказать: он вряд ли повернул бы назад, даже зная, что ему угрожает. Таким он был в юности, таким же остался и в зрелые годы.

Но реальность, реальность сталинской диктатуры, не признавала романтику. Более того, боялась её, презирала тех молодых, которые хотели быть святее римского папы. Оказалось, из пяти одноклассников, членов партии, двое были сексотами (секретными сотрудниками КГБ). Им дали просуществовать два месяца. Фиксировали каждое слово, каждый разговор. 6 декабря 1945 года Израиль Зекцера арестовали.

– Дяденьки, куда вы меня везете? – кричал мальчишка, пока черный воронок кружил по улицам Перми. Когда машина остановилась у известного всем пермякам здания КГБ на улице 25-го Октября, он наконец стал понимать, что с ним происходит. Его отвели наверх, в кабинет начальника следственного отдела полковника Хецелиуса. Здесь Изя узнал, что он государственный преступник и что следствие будет вести сам полковник.

На допросах Изю не били. Только однажды «гражданин Хецелиус» не выдержал и подскочил к арестованному с кулаками, но сдержался. Упрямый мальчишка всю ответственность за «партию» брал на себя, более того – осмеливался отстаивать свои «антисоветские» взгляды, «нагло» утверждал, что он прав. Полковник аккуратно записывал его ответы, вставляя такие слова, как «злостно», «с целью очернить советскую власть». Изя, однако, внимательно читал каждую страницу протокола и не подписывал её до тех пор, пока эти слова Хецелиус не вычеркивал.

Примерно в конце июня Зекцера вызвали к начальнику тюрьмы. Зачитали приговор ОСО (особого совещания при министре внутренних дел): три года исправительно-трудовых лагерей общего режима. Начальник поздравил своего узника с «мягким» решением. И то правда, через много лет Зекцер узнал, что Хецелиус просил для него пять лет. Вспоминая это время, Израиль Абрамович говорил: спасибо судьбе, что я не угадал к скандальному делу космополитов и врачей-вредителей, а то бы «отмотали» мне на «полную катушку»!

Подошел к концу первый этап его лагерной биографии. В один из июльских дней 1946 года конвоиры построили полсотни заключенных, в том числе 10 малолеток, и вывели за ворота внутренней тюрьмы КГБ. Повели нестройную колонну по улицам Перми до будущего Театра кукол на улице Карла Маркса (ныне ул. Сибирская). Там размещались казармы промколони, которую в разные времена называли то отдельным лагерным пунктом, то просто «шарашкой». Колония занимала целый квартал между улицами Карла Маркса и Газеты «Звезда» и была разделена на примерно равные жилую и производственную зоны.

Надо было определяться с рабочей профессией. Прямо скажем, вчерашний школьник не обнаружил способностей к физической работе. Пробовали обучить его слесарному делу, потом электриком – не получалось. Наконец, поставили Изю на учет наличия сырья и комплектующих для производства. Так он и «дослужил» до окончания срока заключения.

Ему уже исполнилось 19 лет. В 1948 году он с огромным нетерпением ждал свой день освобождения. Но вместо этого пришло указание отправить его в ссылку в Красноярский край. Спас отец, обратился в областную прокуратуру, вымолил освобождение сына, пусть и с запретом на проживание в областных центрах.

Впрочем, на свободе он пробыл недолго: в январе 1949 года снова пришло постановление о направлении в ссылку на спецпоселение в Красноярский край. Власть по-прежнему считала его опасным инакомыслящим. Изе не дали проститься с родными и друзьями. Впереди был этап до Соликамска, затем столыпинским вагоном до Перми и дальше, дальше...

Два месяца двигался этап. В начале марта Зекцер прибыл наконец в поселок Нижне-Ангарск (или Усово – по имени ученого, открывшего здесь залежи железных руд). Теперь уже, чтобы выжить, пришлось всерьез осваивать рабочую профессию. Сначала его направили буровым рабочим в геологоразведочную экспедицию. Жил в большой десятиместной палатке с железной печкой-«буржуйкой». Затем его взяли в геофизический отряд, в котором ему поручили работу вычислителя.

Так или иначе, но ссылка определила его профессиональный выбор на всю жизнь. Забегая вперед, скажем, что после возвращения домой Израиль Абрамович закончил заочное отделение геологического факультета Пермского университета и стал главным метеорологом геофизического треста.

Впрочем, не только этим отметилась сибирская ссылка в его судьбе. Именно там он нашел свою Валю, Валентину Петровну, жену, друга, помощницу во всех начинаниях.

И вот настал март 1953 года. Умер Сталин! Старшее поколение до сих пор помнит скорбный голос диктора Левитана. А еще Зекцер запомнил траурный митинг в поселке ссыльнопоселенцев. На нем «идейное» меньшинство, в том числе и мужики, ревело, а большинство (ссылные) хмуро стояли и сдерживали рвавшуюся наружу неизмеримую радость! Прозвучал указ об амнистии, под которую попал и Зекцер. «Но освободились мы только через год, – вспоминал он, – в течение которого произошло для нас с Валей еще более радостное событие: Валя родила дочь-первенца Любу. А я был официально освобожден со снятием судимости и с правом возврата в Пермь».

В начале июля 1954 года они распрощались с друзьями по ссылке и погрузились на пароход, следовавший по Ангаре до самой... свободы. Любушке было 4 месяца, Вале – 22 года, Изе – 25 лет. Впереди было рождение второй любимой дочери – Верочки. Впереди была целая жизнь.

МАРИЯ ГОРБАЧ

Ромка

Когда уходят старики или люди, основательно пожившие, сердце наполняется тоской, ощущением потери, но не обидой и чувством несправедливости. Обида возникает, когда мы теряем близких людей в довольно молодом возрасте.

В 2011 году не стало одного из первых мемориальных волонтеров, автора идеи поисковых экспедиций, объединивших сплав с исследовательской работой, историка, археолога, веселого и невероятно обаятельного парня Романа Казанцева. Мы не совпали в Перми, хотя ходили по одним коридорам классического университета, не совпало наше время активности в «Мемориале», не встретились мы и на «Пилораме», но в последний год его жизни мы подружились, обмениваясь письмами.

Едкий, а порой откровенно ядовитый на язык, не терпящий лжи и лицемерия, Роман Казанцев очаровал меня своими постами в живом журнале, вдохновил красотой языка и умением видеть всё по-своему, с неожиданного ракурса, в собственном фокусе. В общем, две белые вороны – и в прямом, и в переносном смысле – нашли друг друга.

– У него день рождения 30 октября! Я всегда видел в этом недобрый знак, – делится мыслями Андрей Калих, университетский друг Романа.

Их было трое. Плюс-минус несколько человек, ибо студенческие компании – субстанция подвижная. Но замечательная тройка – Андрей, Роман и Роберт – во многом символизирует для меня волонтерское братство, начало молодежного «Мемориала»,

Страничка в живом журнале (<https://roma-lokuta.livejournal.com>), в контакте (<https://vk.com/id13591247>), тексты в электронной почте.

Образы, создаваемые Романом просто так, в будничном общении и между делом, на мой взгляд, достойны того, чтобы жить и помогать нам преодолевать трудности. Не знаю, всем ли понравится мой цитатник, но всей душой хочу поделиться тем, что лю-

«НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЁ ФИГНЯ!» (трудно поспорить порой!), «Сталин, будь ты проклят в этот день!», «Знаки-забияки».

опыты открытий и удивлений, утрат и разочарований. Как бы ни складывались их отношения далее, их опыт юности и подвижничества во многом определил (повлиял, способствовал) дух нашего волонтерского братства, к коему причисляют себя сегодня ребята из очень разных стран (Англия, Германия, Америка и пр.) мира и регионов России (Мордовия, Чувашия, Татарстан, Коми и проч., проч., проч.).

Мысль звучит страшно, но умирать в эпоху цифровых технологий значительно интереснее. Есть иллюзия, что человек словно вышел покурить, в магазин или уехал в отпуск. И ты можешь дотянуться до него в трудную минуту. Цифровое наследие остается.

блю, ценю и что не утрачивает своей умной магии вот уже семь лет.

Например, магия заголовков: «НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЁ ФИГНЯ!» (трудно поспорить порой!), «Сталин, будь ты проклят в этот день!», «Знаки-забияки». Читаешь – и радуешься. Просто заголовки уже интересны и самостоятельно. А уж тексты... Сами читайте, не буду свое ощущение навязывать.

Покажу лишь то, чего не прочтаете, ибо в личных письмах живо.

В его последнюю весну мы много говорили о просвещении, образовании и правах человека. Я готовилась от-

«Хрен им, а не наши дети» – написал я как-то в ЖЖ, и Андрей Калих откликнулся таким же, как Вы, Маша, твёрдым согласием: ведь его сыну три года. Это очевидно: мы не можем воспитать страну; но можем воспитать детей. Поэтому станут судить нас: и мы обязаны дать им верные критерии этого страшного суда».

«Благодарю Вас за то, что щедро делитесь идеями; и вот что я думаю.

Вопрос об эмоциональной наполненности памяти ГУЛАГа представляется мне столь же актуальным, сколь и драматичным; и мы не вправе пренебречь сильными эмоциями, которые вселяет тоталитарный кошмар. Смех, вызванный правильной карикатурой – сильная эмоция; но она дезавуирует страх – а я бы, знаете, напугал детей.

Позвольте, я поясню.

Явление в XX век средневекового Ужаса тоталитарных режимов оказалось для цивилизованных стран небывалой катастрофой: «...И дикой сказкой был для вас провал и Лиссабона, и Мессины!» – пророчествовал легкомысленный Блок. Между тем, провал легкомысленного Лиссабона в пропасть нацистского вторжения ярко описали и Ремарк, и Экзюпери.

Однажды, готовясь к первому нашему с Робертом походу «По рекам памяти» – ведь мы этот проект выдумали вместе, – я подошёл к тому чёрному провалу, и долго туда смотрел. Верите ли, я посидел за месяц: да в русых волосах седина не видна.

С тех пор я пытался убедить друга: в обозримой современности не было ничего страшнее – и мы, продолжающие жить в руинах лагерей, – мы обязаны это понимать. Тем более, наши дети должны знать, как это страшно. Поэтому наша обязанность – подвести их к этой пропасти и заставить заглянуть туда. В жерло вулкана, Ородруина – Большой Берты, наконец. Заглянуть туда – и отшатнуться в ужасе. И больше никогда – НИКОГДА! – не пытаться подойти к этому страшному краю.

Дозвольте короткую байку. Как-то раз волонтеры «Мемориала» посетили бывшего узника сталинских лагерей: дедушка был растроган. Особенно растрогали его немецкие волонтеры – ведь, прежде чем сесть, наш герой дошёл до Берлина. «У меня для вас сюрприз!» – радостно сообщил ветеран, прежде чем уйти в соседнюю комнату. Шорох, шелест, шипение грампластинок. Волонтеры напряглись – и из сорок пятого года на них обрушился бравый «Хорст Вессель». Дедушка, понимаете, сохранил трофейный патефон и диски. «Нет! Нет! Мы не можем этого слушать!» – воскликнули немецкие парни и девчонки, восьмидесятого года рождения, – «Нам нельзя это слушать, nein!!!»

Зловонная пропасть нацизма зевнула на них во всю пасть – и они были в ужасе. В ужасе, понимаете?

Конечно: немецкое покаяние перед Человечеством – явление исключительное, но это и прецедент. И на фоне этого прецедента стихи и, тем более, карикатуры, посвящённые концлагерю, возможно, более страшному – не чрезмерно ли легкомысленны пока?

– Нельзя творить после Освенцима, – полагал Теодор Одорно, и ошибся. Наши родители, трагедия в 50-х анекдоты о Сталине, избавлялись от страха – но от чего избавимся мы?...

– Что Вы хотели сказать этим, мистер?

– Да вот что: хеппенинг «С литературой по тюрьме» обязан соблюдать жанр драмы, а не просто литературных чтений; и «Реквием» Ахматовой невозможно понимать без прочтения «Крутого маршрута» Гинсбург; а всё остроумие Бидструпа блекнет перед ясным, именно социалистическим реализмом Ефросинии Керсновской, это здесь: <http://www.gulag.su/images/index.php?eng=&page=0&list=1&foto=1> – вот я о чём.

Короче говоря, я полагаю, что детей нужно напугать: нацизмом, фашизмом, расизмом, антисемитизмом, эрзац-патриотизмом, ксенофобией, etc.

А затем – научить их смеяться над своими страхами.

Вот, пожалуй, и всё. Не слишком ли я был многословен?»

правиться соруководить волонтерской сменой в Кучино с Робертом Латыповым, что повергало меня в бездну сомнений (справлюсь ли?), переживаний (как оно всё там сложится?) и дарило многообразие мыслей, идей. Рома меня поддерживал историями, соразмышлениями, комментариями.

Умиравший в цифровую эпоху не оставляет друзей опустошенными и одинокими. На первый взгляд! А потом воз-

никает невероятная обреченность, поскольку понимаешь, что нового с ним не появится. Ты не узнаешь, как бы он отреагировал на то или иное событие, но старое, совместножитое общение остается в сети, воодушевляя, согревая, не давая забывать. Мама Романа и друзья издали книгу с его стихами. Нам остается память и мысли, мысли и память, плюс возможность успеть на нашем коротком веку сделать что-нибудь стоящее, чтобы потом стыдно перед ушедшими не было.

С точки зрения пермского «Мемориала»

30 лет – серьезный возраст для некоммерческой организации. В преддверии юбилея мы поговорили с председателем пермского отделения общества «Мемориал» Робертом Латыповым о том, как растет и изменяется организация, люди и какие новые возможности открываются у «Мемориала» в двадцать первом веке.

– Что такое «Мемориал» сегодня?

– На самом деле это очень простой и одновременно сложный вопрос: «Что из себя представляет «Мемориал» сегодня?» Я поясню. Во-первых, «Мемориал» – это по-прежнему живая общественная организация. Это не симулякр! Это организация, которая в полной мере оправдывает своё длинное название – международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество. То есть все четыре направления, которые указаны в названии для пермского «Мемориала» полностью соответствуют действительности. Мы продолжаем работать во всех этих направлениях. Возможно, мои слова как-то обидят «старичков» и основателей «Мемориала», но я считаю, что сейчас организация стала более зрелой и более сфокусированной. Меньше стало отклонений, которые, может быть, и приятны для внешнего взгляда, но в малой степени соответствуют изначальной миссии организации. Организация стала сфокусированной.

– На чем сфокусирована деятельность организации?

– На изначальном предназначении. То есть мы пишем в названии слово «международная», и это означает,

что мы работаем в международных проектах. У нас есть слово «благотворительная», и это означает, что наша благотворительность связана с восстановлением прав жертв политических репрессий. Слово «правозащитная» означает, что мы действительно занимаемся защитой прав призывников, молодежи.

– А раньше деятельность не полностью соответствовала названию?

– Наоборот. Раньше было много чего-то сверх. Чем только раньше мы не занимались! К примеру, мы участвовали в коалиции «За прямые выборы мэра». Это отлично! И может быть, и надо такими проектами заниматься, но всё равно происходит потеря того, на что изначально был заточен «Мемориал». Потому что тем много. Мы не можем заниматься всем-всем-всем. Историко-просветительская работа-то, о чём можно долго и отдельно говорить. Сфокусировавшись, мы начали выдавать более серьезные по масштабам, амбициям проекты и получать результат. То есть организация действительно жива. Это первая и простая часть ответа. А теперь сложная.

Почему об этом говорить сложно? Потому что организация очень разная. Это было очевидно и понятно и

...все четыре направления, которые указаны в названии, для пермского «Мемориала» полностью соответствуют действительности.

раньше, но сейчас это как-то острее ощущается. «Мемориал» создавался как сообщество репрессированных. За исключением нескольких основателей – журналиста Александра Калиха, каких-то инженеров, писателей, Владимира Виниченко и других. Но если говорить о составе, то организация всегда состояла из репрессированных. И это оказывало определенное воздействие на то, как организация работала. Вот почему появился молодежный «Мемориал»! Появилась неудовлетворенность. Вот почему начали отпочковываться другие организации, которые становились более деятельными и сфокусированными.

– Я понимаю, что разные люди в рамках «Мемориала» находили свои темы, уходили ими заниматься.

– Это нормально! Раньше молодежный «Мемориал» был самым энергичным ответвлением и, если угодно, мотором для всего мемориального сообщества. Когда мы вынуждены были закрыть молодежный «Мемориал» в связи с репрессиями против НКО, стало понятно, что кто-то должен был эту функцию перенять. И переняла ветеранская организация. Хотя молодежный «Мемориал» как инициативная группа работает.

Сегодня «Мемориал» – сложная по составу организация. В нем есть репрессированные, количество которых, я имею в виду активистов, стремительно сокращается. А есть совершенно другое поколение – среднего и молодого возраста, которое начинает занимать всё большее место. А с ними появляются новые взгляды на то, чем должен заниматься «Мемориал». Вот откуда пошла фокусировка. Вот поче-

му выбираются те или иные проекты, почему «Мемориал» стремится стать более эффективным при ограниченных ресурсах, тем не менее, выдавать очень серьезные проекты, работу и результаты. Перемены эти можно увидеть по составу нашего правления. Например, репрессированных у нас пять человек, включая двух представителей районных филиалов. Остальные не относятся напрямую к категории пострадавших от репрессий. Из 18 членов правления только пятеро – непосредственно жертвы политических репрессий. Пришли новые люди! Я горжусь организацией, которую возглавляю, именно потому, что приходят новые люди, новые идеи, проекты. Появились Пермские гражданские сезоны, спектакль «Зона голоса» – выдающееся событие в культурной жизни Перми. Не говоря уже о том, что совершенно по-новому работают даже старые проекты. Из-

менилась ситуация с передвижными выставками. Иван Васильев и коллеги серьезно увеличили интенсивность! За первую половину года мы проехали 36 населенных пунктов, где работали выставки. Из них несколько – за пределами Пермского края: это Свердловская, Кировская области. А с передвижными выставками всегда приходят новые разговоры, новые смыслы, появляются разные люди, которые обсуждают разные вопросы. Поэтому, когда я слышу или читаю, например, недавно опубликованный опрос ВЦИОМ о том, что половина молодежи вообще ничего не знает о политических репрессиях, я вообще к социологии, к таким вот вопросам, да ещё и к ВЦИОМ, отношусь с большой долей сомнения, но даже если кто-то к этому серьезно относится, то я готов дать голову на отсечение, что в Пермском крае ситуация совершенно другая. То есть не может быть, чтобы половина молодежи не знала о политических репрессиях, о ГУЛАГе. Потому что, в том числе и благодаря масштабам работы «Мемориала», многолетней работе, его известности, авторитету, здесь показатели будут качественно другие. Я не могу отвечать за каждого! Но в любом случае наша работа столь эффективна, что я могу уверенно говорить о том, что в нашем

Горжусь организацией, которую возглавляю, именно потому, что приходят новые люди, новые идеи, проекты. Появились Пермские гражданские сезоны, спектакль «Зона голоса» – выдающееся событие в культурной жизни Перми.

регионе эти показатели существенно отличаются от общероссийских.

– А как замеряете эффекты?

– Проводить серьезный мониторинг, определяя критерии эффективности нашей организации, очень сложно. Мы берем отзывы. Мы видим, что, как это ни странно, о нас пишут. Процензуру я скажу отдельно, особенно в районных СМИ. То есть идут постоянные публикации с упоминанием «Мемориала», с упоминанием проектов, с упоминанием того, что мы давно работаем, с упоминанием откликов обычных людей, благодарных «Мемориалу». Это, конечно, может показаться каким-то субъективным показателем, но тем не менее когда мы смотрим, сколько людей проходит через выставки и другие мероприятия. Это, конечно, интуитивный показатель. А вообще я хотел бы, чтобы это сделала власть. У нас реализуется политика по увековечиванию исторической памяти. А для того, чтобы докладывать в федеральный центр о ее исполнении, следовало сначала провести мониторинг этой ситуации, определить, какая ситуация и в чем потребности, причем у разных категорий, начиная с людей, которые работают в этой сфере (библиотекари,

музейщики и др.) и тех, которые являются потребителями (школьники, студенты и т. д.). И вот можно было бы сделать срез и узнать, как люди воспринимают сегодняшнее положение вещей. Это запрос к власти. На самом деле это позволит лучше понять вообще ситуацию и общественное мнение, скорректировать задачи, где у нас есть лакуны, а где всё хорошо.

Я даже скажу, какие лакуны есть в нашей работе, немножко уходя от темы о критериях успешности нашей работы: это история диссидентского движения. «Мемориал» в силу самых разных условий сконцентрирован на работе по теме большого террора в сталинский период. А например, тема самиздата, тема диссидентов,

даже тема тех, кто сидел в пермских политлагерях, в 35, 36, 37-й зоне, – эта тема почти сошла на нет. У нас изменился формат деятельности музея «Пермь-36». Просто история зоны и стала известной именно потому, что с 1972 года она была политзоной. На самом деле для нас, для «Мемориала», это вызов, поскольку организация возникла на фоне, во-первых, внимания общества к теме политических репрессий, а также активного участия вот этих самых диссидентов, которые требовали не только своей реабилитации, но и нового взгляда на историю и того, чтобы были какие-то реальные структуры и проекты, которые действительно бы этим занимались. Отсюда и возник «Мемориал». А сейчас многие люди даже

На самом деле для нас, для «Мемориала», это вызов, поскольку организация возникла на фоне, во-первых, внимания общества к теме политических репрессий, а также активного участия вот этих самых диссидентов, которые требовали не только своей реабилитации, но и нового взгляда на историю и того, чтобы были какие-то реальные структуры и проекты, которые действительно бы этим занимались.

не знают, что 30 октября в своей основе – это день политзаключенного. Я могу сказать об этом на митинге памяти жертв репрессий 30 октября, но очевидно, что для многих сегодня эта дата уже связывается с некоторым официозом. И очевидно, что сегодня важно и нужно говорить о диссидентском движении. Почему?! Да потому, что это стало актуальным! Потому что те люди, которые сидели в политлагерях, я имею в виду настоящих политзаключенных, которые сидели за права человека, за свои собственные права, за национальную независимость и культурное своеобразие. Вот эти люди, они ведь сделали свой сознательный выбор. Они понимали. У них не было иллюзий по поводу развала СССР. Они не могли об этом мечтать. Или могли только мечтать. Но они не думали, что это произойдет скоро, и тем не менее делали свой сознательный выбор. И сегодня перед многими нашими согражданами есть ситуация выбора: в каком государстве жить, за какие права бороться, с какими принципами жить? Или послать эти принципы к черту, даже те, которые прописаны в Конституции, и жить двоемыслием. На самом деле история диссидентского движения, история правоза-

щитного движения в своих истоках, эта тема становится сегодня всё более актуальной. Кроме того, хочу отметить, что если говорить об истории массовых репрессий в сталинский период, то почти все профессионалы, можно спросить у Сулова (*Андрей Сулов, доктор исторических наук, профессор.* – Прим. ред.), можно спросить у Лейбовича (*Олег Лейбович, кандидат исторических наук, доцент.* – Прим. ред.), у Обухова (*Леонид Обухов, кандидат исторических наук.* – Прим. ред.), у других наших специалистов. Они подтвердят мою мысль, поскольку она уже несколько раз озвучивалась в разных формах, по сути своей мы уже всё знаем. На самом деле в академической среде спор идет о деталях. Или мы выясняем точные цифры, требуя открыть архивы. И если не уходить в мифологию и манипуляции, которые позволяют себе некоторые движения и организации, то вопрос только в том, как рассматривать эту историю с точки зрения нравственных принципов. Если убийство невинного человека – это просто зло, которое не может оправдываться никакими идеями, вплоть до идеи великого светлого будущего, а в любом случае воспринимается как зло и преступление,

которое не может быть оправдано. И если ты смотришь на эти вещи так, что ты не можешь смотреть на все эти преступления, на массовый террор и прочее равнодушно. Это зло, и точка! А вот если ты смотришь на это с других оснований, с других нравственных принципов, то и говорить уже не о чем. Всё сказано!

С диссидентским движением, к вопросу о правозащитниках: первый вопрос – вопрос сознательного выбора. Сознательного выбора принципов, по которым ты живешь в современном государстве, и возможности, в том числе принять то, что за отстаивание этих принципов можно заплатить собственной свободой.

Мы долго упускали эту тему, теперь мы ей займемся.

– «Мемориал» состоялся. Это устойчивая и успешная организация. С новыми людьми, новыми проектами, много нового произошло. Чего недостает в плане поддержки? От власти и от гражданского общества?

– У нас очень сложные отношения с властью по той простой причине, что над нами всё время довлечет образ

«Мемориала», который всегда находился и находится в оппозиции к правящему политическому режиму. Я просто приведу пример. Правозащитный центр «Мемориал» постоянно обновляет список политзаключенных в стране. Если посмотреть публикации, то очевидно, что все хотят – не хотят, а признают этот список. И если правозащитный центр «Мемориал» сказал, что эта персона – политический заключенный, с этим все согласятся, поскольку такая у них репутация, так они работают, что проверяют всё, до мельчайших деталей. Никто не спорит. Все соглашаются. Кто-то из наших коллег постоянно работает в Ингушетии. Конечно, скандалы с «Пермью-36», с Юрием Дмитриевым – всё это ставит «Мемориал», не только правозащитный центр «Мемориал», но и международный «Мемориал», в оппозицию к власти. И это довлеет и над пермским отделением. Мы вроде как и не занимаемся этим. Мы не публикуем списки политзаключенных в Пермском крае, но этот фон, в котором работает пермский «Мемориал», влияет. И не столько на меня, сколько на чиновников. Поэтому они крайне осторожны с нами. А в некоторых случаях они готовы даже отказаться от такого сотруд-

У нас очень сложные отношения с властью по той простой причине, что над нами всё время довлеет образ «Мемориала», который всегда находился и находится в оппозиции к правящему политическому режиму.

ничества. Это проявляется в каких-то мелочах и деталях. Например, в том, как у нас порой сложно идут переговоры на выделение каких-то средств, на Книгу памяти или на какие-то мероприятия, на поездку на 12-й км (*Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий на 12-м км Московского тракта г. Екатеринбург.* – Прим. ред.). Мы постоянно видим какие-то попытки отодвинуть «Мемориал». Сделать так, чтобы это происходило вообще без него или с меньшим участием. Я с этим сталкиваюсь и на городском, и на краевом уровне почти в ежедневном режиме. Это всё преподносится как какие-то недоразумения. У нас существует определенное цензурирование упоминания «Мемориала» в региональных СМИ. Простой пример. «Вести-Россия» делают репортаж про «Чистые окна». Акция проводится 17 лет. В сюжете говорится об этом. Вот какие-

то волонтеры, вот какая-то бабушка. А чьи волонтеры? Что за бабушка? Кто это делает, организует 17 лет? Откуда неожиданно пришли волонтеры? Куда бабушка обратилась? Кто за всем этим стоит? Почему 17 лет? Почему именно этой бабушке оказывают помощь? Этого просто нет! Сейчас Юлия Баталина опубликовала материал про спектакль «Зона голо-са». В электронном варианте есть, что организатор этого – пермское отделение общества «Мемориал» на средства Фонда президентских грантов и заканчивается это действие в Центре городской культуры. Там всё названо. В печатной версии «Нового компаньона», после большого скандала, вышло все примерно то же самое, но без упоминания «Мемориала» и Центра городской культуры. Такое цензурирование происходит постоянно. И это не только чиновники. Тенденцию чувствуют главные редакторы

различных изданий, понимая, что не надо о нас писать. Юлию Баталину обвинили в том, что она занимается пиаром «Мемориала» и его продвижением, рекламированием. Такое происходит регулярно. В прошлом году мы с этим столкнулись и стали задавать вопросы. Нам говорили: «Нет, нет, что вы – это недоразумение!» Хотя по публикациям потом выходило снова без упоминания о нас.

Это цензура, которая подается как недоразумение. Есть ещё такой принцип умолчания. То есть когда мы говорим, например, что мы должны сотрудничать, «Мемориал» – один из важных институтов в реализации государственной политики, это признается чиновниками на закрытых совещаниях. Но как только мы просим: «Давайте об этом скажем публично! Нам больше ничего и не надо, мы сами найдем ресурсы. Нам нужен лишь режим благоприятствования», ничего не происходит. То есть на словах «мы не против», но ничего не делается. И это ведь не только с нами. Пример с методичкой Центра гражданского образования, когда проще уйти от этого, ничего не ставить на сайт. Сказать вам с Сусловым в глаза, что методичка хорошая, полезная, актуальная, но при этом ничего не делать для её продвижения. И вот эти принципы умолчания и цензурирования отли-

чаются от принципа полного запрета. Они не могут нам запретить работать, потому что именно мы реализуем государственную политику. У нас в концепции (сохранения исторической памяти) написано, что надо создавать образовательные и просветительские материалы, издавать их. Это записано и принято!

– Тогда скажи, какой документ, изпод чьего пера должен выйти, чтобы эти недоразумения прекратились?

– На самом деле все документы уже приняты. У нас есть закон о реабилитации жертв репрессий, у нас есть постановление правительства, концепция, указы президента РФ. Последний указ о реабилитации жертв политических репрессий вышел 6 марта 2017 года. В нем говорится о том, что субъекты РФ обязаны, может там и рекомендуется, оказывать всемерную поддержку некоммерческим организациям, реализующим государственную политику в сфере увековечивания памя-

ти жертв политических репрессий. То есть там прямо рекомендовано федеральным центром, это указ, это уже включение в закон, о поддержке организаций, которые этим занимаются. Интересно, какое НКО в нашем регионе занимается этой сферой? То есть не надо никакого дополнительного указа губернатора нашего или главы правительства. Все указы давно есть и приняты. Надо просто, чтобы они работали, и всё. Вот привести в соответствие надо. Я, например, сейчас буду писать письмо, уже в прошлом году писал Евгению Хузину (*Евгений Хузин, директор департамента общественных проектов Администрации губернатора Пермского края.* – Прим. ред.) и Максиму Решетникову (*Максим Решетников, губернатор Пермского края.* – Прим. ред.), почему, например, в конкурсе краевых грантов не предусмотрено отдельное направление, связанное с поддержкой репрессированных и увековечиванием исторической памяти. Два года назад я писал письмо Федотову

Но как только мы просим: «Давайте об этом скажем публично! Нам больше ничего и не надо, мы сами найдем ресурсы. Нам нужен лишь режим благоприятствования», – ничего не происходит.

(Михаил Федотов, Советник Президента РФ по правам человека – Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – Прим. ред.), в федеральную межведомственную группу о том, что это ненормальная ситуация: государственная политика объявленная, указ президента о поддержке НКО есть, а в президентских грантах этого направления нет. Федотов рассмотрел этот вопрос на заседании межрегиональной группы. Все поддержали. Отправили в администрацию президента письмо о том, что надо поддержать. И что вы думаете? С прошлого года в номинациях президентских грантов есть направление на поддержку НКО, занимающихся сохранением исторической памяти. Это было мое предложение. Теперь я прошу и на краевом, и на городском уровне привести конкурсы в соответствие с государственной политикой, которая заявлена. Это обязательно должно быть на уровне субъектов РФ. Нам не надо, чтобы специально поддерживали «Мемориал». Пусть внесут, и это будут конкурсные процедуры. Я ведь не стремлюсь, чтобы увековечиванием памяти жертв репрессий занимался только «Мемориал». Пусть этим занимаются другие организации и инициативные группы. Может быть, кто-то придумает проекты интереснее, круче и луч-

ше. Великолепно! Пусть делают! Но давайте создадим для этого условия, приведя все нормативные положения к тем основаниям, которые уже изложены в российских документах, и реализовывать госполитику.

– Сегодняшний пермский «Мемориал» – политическая организация?

– Есть один момент, который удивляет всех моих коллег из других организаций, особенно за рубежом. Удивление появляется тогда, когда я говорю, что единственным политиком в нашей организации являюсь я. Это выражается в том, что я использую каждую возможность участвовать в каких-то политических событиях. Я, например, не могу представить, что не пойду на митинг памяти Бориса Немцова. И если мне предложат там выступить, то я соглашусь. Я не могу себе представить, что не откликнусь на какую-то петицию, манифестацию, если я

в Перми – я приду. Это существенно отличает меня от большинства коллег, которые избегают этой политической ответственности. Мои знакомые недоумевают, почему так происходит. Я объясняю, что сегодня для большинства моих коллег «Мемориал» – это не только место работы, какого-то времяпрепровождения, будь то короткий проект или волонтерский четверг. Для многих сегодня «Мемориал» – это отдушина, где говорят о правильных, нужных вещах, это место, где делают правильное и нужное дело, что не имеет ничего общего с политикой.

Политика, в ощущении молодых людей, которые работают сегодня в «Мемориале», относится к чему-то грязному, постыдному, связанному с обманом. Современные сотрудники «Мемориала» хотят быть активными, но не хотят идти в политику. Это очень странное видение реаль-

Что сегодня волнует «Мемориал»? Попытки разобраться, в какой стране мы живем. Попытка разобраться в истории. Попытка разобраться в том, что я могу делать, какими правами я обладаю. Возможность того, как, не нарушая, не переступая через себя, жить по совести.

ТРАДИЦИИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

ности! То есть они хотят быть граждански активными, но не хотят заниматься политикой. И они пришли в «Мемориал» именно потому, что «Мемориал» не политическая организация. И нет задачи, чтобы те, кто придет, сами формулировали какой-то свой проект. Они просто придут к нам, начнут об этом говорить, а мы «поймаем волну» и сможем составить проект, написать заявку, потому что если это волнует одного человека, то это волнует и других, только они пока об этом не знают. И узнают – благодаря этому новому проекту! А бывает, что человек, работая в

«Мемориале», сам становится специалистом. Многие пришли в «Мемориал» через экспедиции «По рекам памяти».

Иногда я встречаю у людей такое представление, что «Мемориал» – организация, в которую могут вступать исключительно жертвы политических репрессий. Я сам не отношусь к этой категории. Сегодня многие сотрудники организации, члены правления и вновь вступающие никак не подходят под определение жертв политических репрессий.

– Есть ли у «Мемориала» будущее?

– Есть, и у меня остается в этом уверенность, поскольку «Мемориал» интересен для молодых. Будущее есть тогда, когда не только есть идеи, ресурсы и поддержка власти. Будущее есть тогда, когда ты по-прежнему интересен людям. И особенно молодым. Когда ты можешь с ними разговаривать на какой-то одной волне. Когда ты понимаешь, что то, что волнует тебя, может, на другой волне или в иной форме, волнует и других людей! Что сегодня волнует «Мемориал»? Попытки разобраться, в какой стране мы живем. Попытка разобраться в истории. Попытка разобраться в том, что я могу делать, какими правами обладаю. Возможность того, как, не нарушая, не переступая через себя, жить по совести. Да, это вечные темы. Но если организация дает человеку возможность получать ответы на эти вопросы и помогать получить эти ответы другим, значит, у организации есть будущее.

Для многих сегодня «Мемориал» – это отдушина, где говорят о правильных, нужных вещах, это место, где делают правильное и нужное дело, что не имеет ничего общего с политикой.

Третий год Иван Васильев в компании с Дмитрием Окунцевым путешествует по Пермскому краю с передвижными выставками пермского «Мемориала». Удивительно, но четыре тематические экспозиции (детали можно узнать здесь: <http://pmem.ru/index.php?id=5220>) пользуются огромным успехом у жителей Пермского края. О проекте, связанном с продвижением передвижных выставок, мы и поговорили с ребятами.

ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ

– Я не совсем представляю, как выставки работали до меня, – рассказывает сотрудник пермского «Мемориала» Иван Васильев. – Когда я пришел в организацию, мы сразу определили, что организация и проведение выставок – основное направление моей работы. И вот третий год я занимаюсь тем, что вожу по краю передвижные выставки пермского «Мемориала». Я, конечно, испытываю некое смущение, говоря такое о себе, но я точно могу сказать, что людям интересно то,

что мы делаем. И я могу так преподнести материал, что меня слушают с удовольствием. Каждый раз благодарят, говорят слова похвалы. Это приятно. Я ведь не академично веду. Стараюсь быть эмоциональным, могу сленг использовать.

– У нас часто получается так, что мы открыли выставку, – рассказывает Дмитрий Окунцев, – Иван всё рассказал, свою часть закончил. И людям предлагается расходиться. Но они не уходят.

Зачастую они просто сидят и не уходят. Наверно, он их так располагает к себе, что им не хватает информации. Они не устают его слушать. Им интересно. Ждут ещё, чтобы он рассказывал, рассказывал, рассказывал. И они готовы слушать и воспринимать. Люди порой удивляются, что он такой молодой, а так хорошо рассказывает, свободно и раскованно! Ивана внимательно слушают. Даже дети. Не шушукуются, в телефонах не зависают. Пожилым тоже нравится.

За 2017–2018 годы выставки посетило почти 22 000 человек. И тут очень важно сказать, что, прежде всего, это заслуга наших партнеров. В первую очередь – работников библиотек, работников музеев, архивов и домов культуры. Ну и учителей тех школ, в которых мы выставались, потому что большинство экскурсий в процентном соотношении проводят наши партнеры. За два года проведено 466 экскурсий.

– А кто определяет, куда и когда какая выставка отправится?

– Я сам выбираю, куда хочу везти выставку, – откликается Иван Васильев. Обычно населенный пункт, находящийся поближе к тому, где выставка находится в данный момент. Я нахожу в Интернете контакты нужной мне организации, звоню и предлагаю наши услуги: пишу письмо, потом звоню на следующий день. Как правило, я получаю согласие, и выставка переезжает на новое место. То есть мы с Дмитрием Окунцевым её перевозим. Я провожу экскурсию-открытие, рассказываю про «Мемориал», чем мы занимаемся, по содержанию выставки говорю и на вопросы отвечаю. Например, за 2017–2018 годы выставки посетило почти 22 000 человек. И тут очень важно сказать, что, прежде всего, это заслуга наших партнеров. В первую очередь – работников библиотек, работников музеев, архивов и домов культуры. Ну и учителей тех школ, в которых мы выставались, потому что большинство экскурсий в процентном соотношении проводят наши партнеры. За два года проведено 466 экскурсий. Процент моих экскурсий – 10–15, остальное всё проведено нашими коллегами.

– Иногда мы берем с собой иностранных волонтеров, – дополняет Дмитрий. – Для них получается небольшое туристическое событие. Они наблюдают нашу природу, общаются с людьми, знакомятся с разными населенными пунктами. Такое небольшое приключение получается.

– А чем, на ваш взгляд, объясняется успех передвижных выставок в Пермском крае?

– Иногда возникает такое ощущение, – размышляет Иван, – что людям интересно ещё и потому, что им хочется посмотреть что-то привезенное со стороны. Вот сейчас, например, мы ездим по югу края, где до этого выставки вообще не демонстрировались. И великолепно! Очень охотно соглашаются сотрудничать, можно сказать – хватаются за нас. Часто слышим: «Ребята, приезжайте к нам ещё!» В Октябрьском районе недавно выставку открывали – много народу пришло. И возможно, причины не только в том, что люди нуждаются в культурном продукте. Мы много где были. Люди знают нас, знают, как мы работаем, поэтому нас ждут и сами приглашают. Соликамская библиотека, к примеру, к конференции по Солженицыну выставку попросила привезти.

– Есть ли какие-то моменты в организации выставок, которые вам хотелось бы изменить?

– Я очень сожалею только об одном: на открытиях, как правило, присутствуют только люди пожилого возраста

или дети, – говорит Дмитрий Окунцев. – Мы много разговариваем с сотрудниками библиотек, архивов. Они говорят, что обычно люди среднего возраста в это время или работают, или заняты какими-то хозяйственными делами. И вообще люди среднего возраста не особо любят куда-то ходить, живя по схеме «дом – работа – дом». Я думаю, что нужно как-то и с этими людьми работать.

– Есть ещё одна причина успеха выставок, – дополняет Иван. – Мы все понимаем, что наш край – довольно крупный «остров» архипелага ГУЛАГ. И здесь «в кого ни ткни» – потомки репрессированных. Я думаю, что часто для наших партнеров выставки имеют какой-то личный оттенок. Бабушки и дедушки у многих были репрессированы. Наше сотрудничество – возможность отдать некий моральный долг.

«Папины письма», «Не забудьте нас!», «Прикамье. Репрессии 1930–50», «Пермские политлагеря. 1972–1992» – темы выставок, рисующих очень разные картины нашего прошлого. Иногда кажется, что лучше (проще, удобнее, легче) не знать о событиях тех лет, о том, как жили люди, и не задумываться о том, почему так получилось именно с нашими предками, в нашей стране. Почти двести лет назад П. Я. Чаадаев писал, что «не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами».

Сегодня передвижные выставки «Мемориала» – возможность поднять голову, посмотреть в лица людей, смотрящие со старых фотографий, задуматься и поговорить о том, как, пережив эту страшную историю, не допустить повторения.

Мы все понимаем, что наш край – довольно крупный «остров» архипелага ГУЛАГ. И здесь «в кого ни ткни» – потомки репрессированных. Я думаю, что часто для наших партнеров выставки имеют какой-то личный оттенок. Бабушки и дедушки у многих были репрессированы. Наше сотрудничество – возможность отдать некий моральный долг.

В разное время при любой возможности «Мемориал» снимал кино. «Зачем?» – поинтересуется любознательный гражданин. «Какая-то странная тяга к увековечиванию себя!» – усмехнется скептик. «Кому интересно смотреть фильмы о жизни и работе некоммерческой организации?» – поставит «диагноз» пессимист. Попробуем ответить на эти и другие типичные вопросы.

«Мемориал», кино и разные смыслы

Фильмы «Мемориала» – разговор с современниками о том, что считают важным сотрудники и волонтеры этой организации.

На сайте в разделе «Видео» вы найдете 23 фильма, снятых «Мемориалом» и о «Мемориале» в период с 2000 по 2016 годы. Условно фильмы можно поделить по тематике: о продвижении института альтернативной гражданской службы (АГС), о поисковых экспедициях и волонтерских лагерях, о сохранении исторической памяти, о «Мемориале» и мемориальцах. Но это очень условная классификация. Обманчивая. Может показаться, что девчонкам нет смысла смотреть кино о том, как парню добиться права на альтернативную гражданскую службу, а человеку среднего возраста бесполезно интересоваться волонтерскими лагерями или поисковыми экспедициями. На самом деле всё не так. В проектах «Мемориала» (даже если что-то организуется молодежной инициативной группой) есть место разным людям, независимо от воз-

раста, образования, социального статуса, опыта и прочих характеристик. Ключевое слово – «интерес». Именно интерес должен побуждать посмотреть (или пересмотреть) фильмотеку пермского «Мемориала». В фильмах про АГС можно увидеть интересные сцены из зала суда, получить определение понятия «убеждения», встретиться с разными людьми и виртуально побывать в разных учреждениях. Наша жизнь меняется очень стремительно. Старенькая электричка в фильме «По рекам памяти» (2000), образ вокзала, картинки из жизни маленьких населенных пунктов в других фильмах показывают нам, как жили и живут люди. И людей мы всегда видим. Фильмы «Мемориала» очень портретны.

«Это ты меня, что ли (слово «снимаешь» опускается в устной речи)? – обращается к оператору фильма «Хроника поисковой экспедиции» (2010) бабушка, только что дававшая интервью о жизни в 1930-е годы. – Спасибо тебе! Видишь, теперь я останусь

навечно! – торжественно обобщает она, и как-то очень нежно добавляет: – Спасибо тебе, добрый человек». Хочется плакать и улыбаться одновременно, потому что так ведь и есть – со многими людьми мы бы никогда не встретились, не будь фильмов, интервью, Книг памяти, многочисленных ещё не расшифрованных файлов и не опубликованных материалов.

Мемориальское кино – всегда встречи. И всегда вопросы. Как жить и что делать? Кому принадлежит память? Как реализовывать свои убеждения? Нужны ли нам права и свободы? И на все вопросы в фильмах есть ответы. Они звучат из уст стариков и молодежи, от экспертов и начинающих общественных деятелей, от увлеченных своим делом и скептиков, от поэтов, писателей, философов и многих, многих других. Если вы ещё не знакомы с этой организацией, начните с фильмов – люди и дела там представлены полно, ярко и честно. Раздел «Видео» на сайте: <http://pmem.ru/index.php?id=1072>

«Это ты меня, что ли (слово «снимаешь» опускается в устной речи)? – обращается к оператору фильма «Хроника поисковой экспедиции» (2010) бабушка, только что дававшая интервью о жизни в 1930-е годы. – Спасибо тебе! Видишь, теперь я останусь навечно! – торжественно обобщает она, и как-то очень нежно добавляет: – Спасибо тебе, добрый человек».

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

30 октября 1996 года, в День памяти жертв политических репрессий, на торжественном митинге в Перми, неподалеку от бывшей тюрьмы НКВД №1 (в районе Егошинского кладбища), был открыт памятник погибшим узникам ГУЛАГа, спецпереселенцам и жертвам Большого террора 1937–1938 годов.

Деньги на памятник собирали, как говорится, всем миром. Жертвователями были члены пермского «Мемориала», жители Перми, коллективы предприятий, учреждений и фирм, внесли свой вклад региональная, городская и районные администрации.

Автор проекта памятника – пермский архитектор Михаил Футлик.

С этого времени каждый год 30 октября в этом месте, у мемориала, проводится торжественный митинг, посвященный памяти жертв политических репрессий. День памяти жертв политических репрессий в России, начиная с середины 1990-х годов, отмечают повсеместно. Очень разные люди собираются на митинге. Сами репрессированные, которых всё меньше, дети и внуки жертв репрессий, вспоминающие родителей, близких родственников, пострадавших в те годы. Приходят школьники – иногда классами с венками, иногда группами с учителями. Студенты, волонтеры пермского «Мемориала», представители власти, гражданские активисты и просто жители Перми, иностранные волонтеры, сотрудничающие с «Мемориалом», – всех в этот день объединяет память и скорбь, все стремятся почтить память и сделать что-то, чтобы события того времени не повторились. Иногда звучат стихи.

Митинг проходит традиционно: выступления участников с торжественными речами, словами памяти и призывами не повторить ошибки прошлого. В память о жертвах политических репрессий всегда объявляется минута молчания. Затем проходит небольшое шествие в гору, к церкви

и монументу. Завершается митинг возложением венков, цветов, зажжением свечей у мемориала, душевными разговорами и сожалением о том, что пришлось пережить людям в те тяжелые годы.

«Мемориал» сохраняет память не только в Перми. Регулярно проводятся поисковые экспедиции в рамках проекта «По рекам памяти», в ходе которых в разных местах устанавливаются мемориальные знаки. Есть экспедиции в различные территории края. Участие в этих проектах в основном при-

нимает молодежь, заинтересованная в сохранении исторической памяти. В ходе путешествий ребята общаются с жителями разных сёл, поселений, деревень. Берут интервью, проводят встречи, устанавливают мемориальные знаки. На сегодняшний день активистами «Мемориала» установлено более семидесяти памятных знаков и мемориальных досок, посвященных теме политических репрессий в советский период.

Истории, собранные в экспедициях, используются в периодических изданиях «Мемориала».

С 1998 года ежегодно выпускается один том Книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора». Каждая книга памяти включает в себя десятки воспоминаний жертв репрессий, исследовательские статьи пермских краеведов, историков и журналистов. Выпущен мартиролог, включающий в себя данные о десятках тысяч пермяков, ставших жертвами сталинского террора.

Много разнообразной актуальной информации по сохранению исторической памяти и реабилитации жертв политических репрессий можно найти на сайте пермского «Мемориала» в «Историческом разделе». Раздел включает в себя «Мартиролог репрессированных», «Поиск родственников», «Список 12 км», «Карту ГУЛАГа» и «Архивные документы».

Сегодня не выходя из дома можно познакомиться с разнообразными материалами, которые скрупулезно и бережно собирались сотрудниками на протяжении 30 лет. А если вы хотите сами принять участие в обработке интервью (расшифровка, оцифровка, редактирование и прочая деятельность, связанная с работой с информацией), вы можете обратиться в «Мемориал» как волонтер, желающий поработать на благо сохранения исторической памяти.

Цифры по мемориальным знакам

- 65 временных мемориальных знаков, установленных в ходе поисковых экспедиций пермского «Мемориала» «По рекам памяти» в 2000–2018 гг.
- 112 – всего мемориальных знаков в Пермском крае (кроме знаков проекта «Последний адрес»), памятников, установленных как «Мемориалом», так и другими организациями.
- На 9.11.2018 в крае установлено 40 знаков проекта «Последний адрес»: из них 17 в районах крае и 23 в Перми.

Вышло 17 томов книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора».

Карта террора и ГУЛАГа в Прикамье

На Карте террора и ГУЛАГа в Прикамье установлено 1450 справок. Это справки спецпоселков, спецкомендатур, лагподразделений ИТЛ, УИТЛК, детских колоний, «пристаней», ПФЛ и др.

Работа «Мемориала» в цифрах

- 26 выпусков «Вестников Мемориала» вышло в свет с июня 2016 года.
- 25 974 экземпляров «Вестника Мемориала» вышло в свет с июня 2016 года.
- 58 квартир отремонтировано с 2002 года – за время проведения лагеря «Квартира».
- 100–120 пожилым людям ежегодно моются окна в квартирах в ходе акции «Чистые окна».
- 200–250 молодых людей ежегодно принимают участие в акции «Чистые окна».
- 21 год пермский «Мемориал» работает в сфере АГС (с 1997 года).
- Более 100 молодых пермяков отстаивали своё право на прохождение АГС.
- 400 молодых людей призывного возраста ежегодно получают бесплатные консультации по вопросам, связанным с АГС и военной службой.

Если у вас есть желание принять участие в обработке интервью (расшифровка, оцифровка, редактирование и прочая деятельность, связанная с работой с информацией), вы можете обратиться в «Мемориал» как волонтер, желающий поработать на благо сохранения исторической памяти.

ИРИНА КИЗИЛОВА

Ещё одна мемориальская традиция, связанная с сохранением исторической памяти – поездка на 12-й километр Московского шоссе под Екатеринбургом. 17 мая 2018 года Пермское краевое отделение общества «Мемориал», по традиции, помогло большой группе пермяков совершить поездку на 12-й километр Московского шоссе вблизи Екатеринбурга, где покоятся останки более двадцати тысяч расстрелянных уральцев, жертв Большого террора 1937–1938 годов.

НЕ ЗАРАСТАЕТ ДОРОГА

Часы просвещения

Утро 17 мая 2018 года. У здания краевой администрации три автобуса поджидают народ. Ровно в 8 часов отъезжаем. В каждом автобусе экскурсовод – это сотрудники пермского «Мемориала» Иван Васильев, Дмитрий Окунцев, Александр Чернышёв. Наготове созданные «Мемориалом» диски с видеофильмами, чтобы показывать в дороге, и собственные знания об истории сталинских репрессий. Впереди долгая пятичасовая дорога, утомительная не только для пожилых людей, которых в автобусах большинство, но и для пассажиров среднего возраста, да и для молодых, которых тоже немало.

Рядом со мной журналистка Татьяна Черепанова. Она отправляется на 12-й километр в первый раз. Едет, хотя никто из её близких не погиб в годы репрессий, и не по заданию какого-нибудь СМИ, а потому, что её муж, Михаил Черепанов, долгие годы был сотрудником пермского «Мемориала» и каждый май сопровождал пожилых людей на екатеринбургский Мемориал скорби. «Миши нет уже полтора года, – говорит Татьяна. – Теперь на 12-й километр буду ездить я».

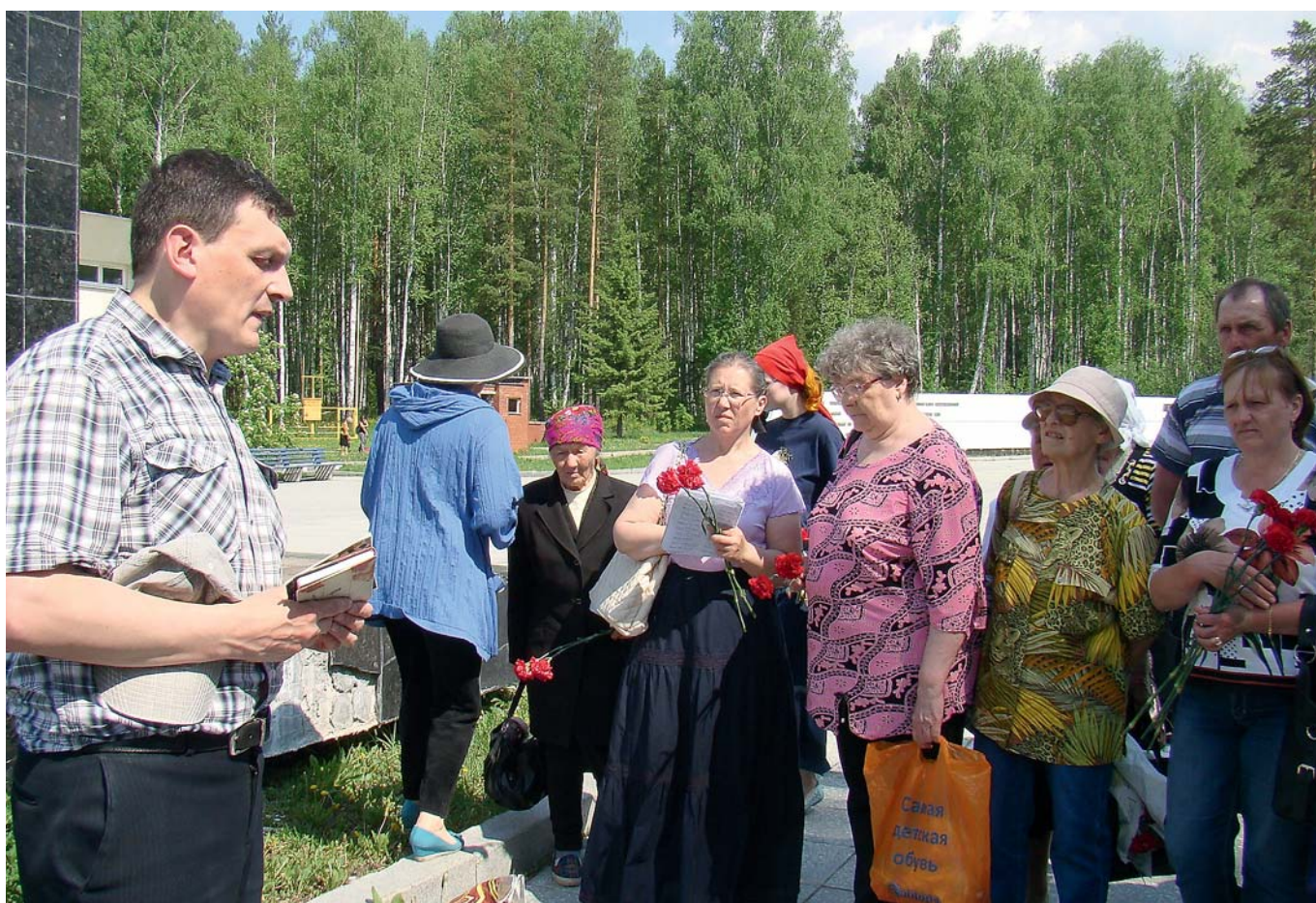
Экскурсовод Иван Васильев, представившись, предлагает пассажирам сначала... просто отдохнуть часок или даже

подремать. Все охотно принимают предложение, ведь многие добирались к зданию краевой администрации с окраин города, а кто-то и из других городов – Краснокамска, Кунгура, Суксуна, Лысьвы... Им пришлось вообще не спать ночью.

Когда все немного отдохнули, Иван рассказал много важного из истории досталинских и сталинских репрессий и о том, что и как делает пермский «Мемориал», чтобы не исчезла память о чёрных страницах истории нашей страны, о людях, которые пали невинными жертвами кровавого молоха, о том, как «Мемориал» работает не только с пожилыми, но и с молодёжью. Многие из сидящих в автобусе, возможно, впервые услышали о нашей 16-томной Книге памяти, об интерактивной карте ГУЛАГа; о наших выставках, которые научные сотрудники презентуют в разных городах и весях не только Пермского края, но и близлежащих областей и республик: «Папины письма», «Не забудьте нас», «Прикамье-репрессии», – о наших волонтерских лагерях и социальной волонтерской службе; об акции «Чистые окна», которая проводится ежегодно для одиноких бабушек и дедушек. И о многом-многом другом.

Вместе с авторами видеофильма «Белая линия», снятого по сценарию известного пермского краеведа Владимира Гладышева, пассажиры автобуса как бы заново прошли по улицам Перми, открывая для себя неведомую им ра-

ТРАДИЦИИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

нее историю знакомых зданий – СИЗО №1, Театра кукол, в котором в годы Большого террора располагалась тюрьма НКВД №2, гостиницы «Королёвские номера» (из неё пермские чекисты выкрали и расстреляли брата последнего царя Николая II – великого князя Михаила Романова), пермского «Дома чекистов», судьбы жителей которого схожи с трагическими судьбами обитателей московского «Дома на набережной», описанного в одноимённом романе Юрия Трифонова...

Рассказал Иван и о Мемориальном комплексе на 12-м километре, о том, как экскаваторщик, расчищая лесную поляну для площадки под тир, случайно обнаружил секретное захоронение огромного количества людей. Чекисты заставили его держать это в тайне более двадцати лет, но в конце 1980-х тайна открылась, появились публикации в СМИ, и на месте братской могилы начал стихийно создаваться народный мемориал: родственники расстрелянных прикрепляли к деревьям портреты своих погибших дедов, отцов, матерей, братьев, сестёр... Мне довелось побывать на том мемориале, ощутить особое, непередаваемое чувство печали. В начале 1990-х началось создание монумента.

Дорога к Мемориалу скорби, как и в прошлые поездки, стала дорогой просвещения.

Вечная память!

На 12-м километре пермяков радушно встретили руководитель Уральского «Мемориала» Анна Пастухова и активисты этой организации. Короткий митинг, на котором звучали речи не чиновников, а простых, искренне скорбящих людей. Возложение венков и цветов к подножию большого мемориального креста, к памятнику «Маска скорби», созданному знаменитым скульптором Эрнстом Неизвестным, уроженцем Екатеринбурга, по просьбе уральских «мемориальцев» ещё в начале 1990-х, но установленного на 12-м километре только в прошлом году. Символично, что одно лицо памятника смотрит в Европу, другое в Азию, а вместо слёз из глаз катятся человеческие головы.

Затем пермяки разошлись по пространству мемориального комплекса. Те, кто приехал на это скорбное место не в первый раз, быстро находят плиту с дорогими именами. А тем, кто оказался на Мемориале скорби впервые, не такто просто сориентироваться среди десятков тысяч имён, тем более что не все они расположены в алфавитном порядке, как задумывали создатели мемориала: сначала из архивов ФСБ были получены списки 18 тысяч расстрелянных и захороненных здесь, затем выявлялись новые имена, они появлялись на новых плитах. Теперь известно более 20 тысяч имён, среди них почти семь с половиной тысяч пермяков. Этот скорбный список продолжает пополняться, и алфавитный порядок нарушился. В этот приезд на мемориал пермяки дополнили список жертв сорока семью фамилиями офицеров царской армии, выживших в Первую мировую войну, но погибших от большевистских репрессий. Табличку с именами привёз внук одного из них, Александр Муратов, и укрепил на дереве.

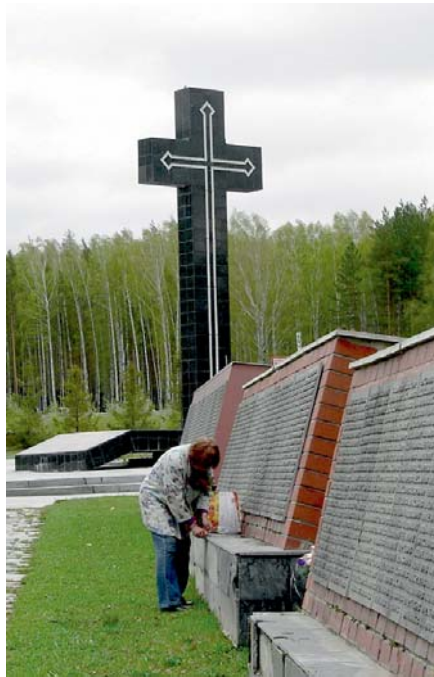
Пермяк Исаак Фрейман приехал на 12-й километр впервые, а его жена Нина была здесь уже в прошлом году, поэтому сейчас быстро нашла плиту с фамилиями родственников Исаака, расстрелянных в 1938 году: семидесятирёхлетнего дедушки – А. Т. Кобзе и тридцатитрёхлетнего дяди – Г. А. Кобзе. Рядом с их фамилиями Фрейманы прикрепили красные гвоздики.

Сколько ещё среди нас, живущих сегодня, тех, кто не знает, где упокоился его репрессированный предок! Но это не значит, что о нём забыли. Он просто пока не найден. Вечная память всем невинно пострадавшим в годы террора!

...В обратный путь пермяки увозили коробочки со священной землей и открытки с изображением памятника «Маски скорби», заботливо приготовленные для них екатеринбургскими мемориальцами. Верим, что это трудное, но важное для потомков паломничество продолжится и в следующем году.

ТРАДИЦИИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

ТРАДИЦИИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Первая гражданская акция «Возвращение имен» прошла в Перми в октябре 2014 года. Тогда, несмотря на мороз, около 100 человек пришли, чтобы зачитать имена жертв репрессий 1937–1938 годов, произнести фамилии и имена, возраст и дату расстрела на Соборной площади.

Возвращение имен

Вспоминает Марина Трушникова (первое впечатление от первой акции): «Соборная площадь. Акция «Возвращение имен».

Спасибо вам, прекрасные пермяки, кто сегодня был здесь.

Было волнительно и одновременно очень спокойно... Не пафосно. Торжественно...

Мне было легче произносить имена. В моем списке были одни Ивановы...

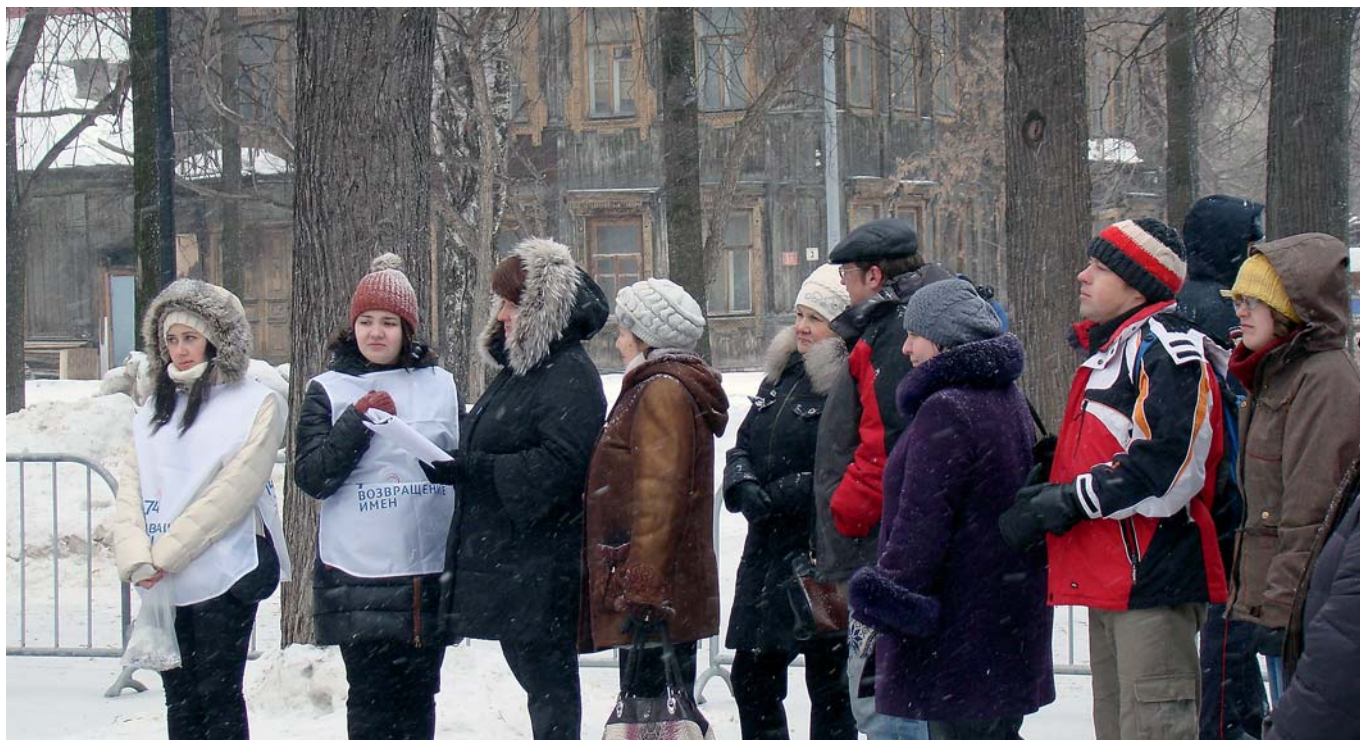
За время акции «Возвращение имен» в Перми было прочтено 815 имён.

С тех пор как минимум два раза в год пермяки и гости города приходят то в сквер Декабристов, то на Соборную площадь, зачитывая имена жертв большого террора. Прошло восемь

акций в Перми. Периодически акции проводятся в разных территориях края.

Своими впечатлениями о первой акции делится Дмитрий Окунцев, координатор акции «Возвращение имен» в Перми и Пермском крае: «Каждая акция «Возвращение имён» из тех, что проводил пермский «Мемориал», в чем-то непохожа на остальные. Но больше всего мне запомнилась самая первая акция, которая проводилась в октябре 2014 года на Соборной площади. С Камы дул холодный, пронизывающий ветер, задувающий траурные свечи, да и зажигать их обмёрзшими руками было то ещё «удовольствие». Но к холоду вокруг тебя прибавлялся ещё и холод изнутри, от понимания того, что происходило в годы репрессий, сотни тысяч людей были расстреляны без суда и следствия, что и кого-то из твоих родственников также могло не стать в одночасье, а в таком случае и тебя могло не быть. В такие моменты ловишь себя на мысли, что нельзя просто так уйти с акции, нельзя просто так забыть весь этот кошмар, несмотря на холод, несмотря ни на что, нельзя допустить повторения подобных трагедий».

На сегодняшний день в Перми зачитано 3800 имен. «Возвращение имен» объединяет разных людей. Часто участники приезжают в Пермь из разных уголков края специально, чтобы прочесть пять имен этого скорбного списка. Акция поддерживается интернет-ресурсами – российский сайт проекта, сайт пермского «Мемориала», одноименные группы в соцсетях. Важно отметить, что география акции простирается за пределы Российской Федерации. В этом году произошло важное событие: на сайте проекта отметили города Пермского края, в которых проводилась акция. Приятно видеть Александровск и Березники в первой тройке городов-участников акции. Затем идут Березовка, Боровск, Брянск, Варшава, Вашингтон, Врнев, Горно-Алтайск, Горнозаводск, Гремячинск – и далее по алфавиту. К заметке о каждом месте проведения акции прилагаются карты, так что все заинтересованные могут виртуально побывать в местах, где оживают память. Среди пермяков акция пользуется заслуженной популярностью. Даже в этом году, под пронзи-

тельным октябрьским ветром, имена звучали.

Почему появилась эта акция?! Выдержки из заявления пермского «Мемориала», сделанного в июле 2017 года, в канун восьмидесятилетия с момента начала Большого террора:

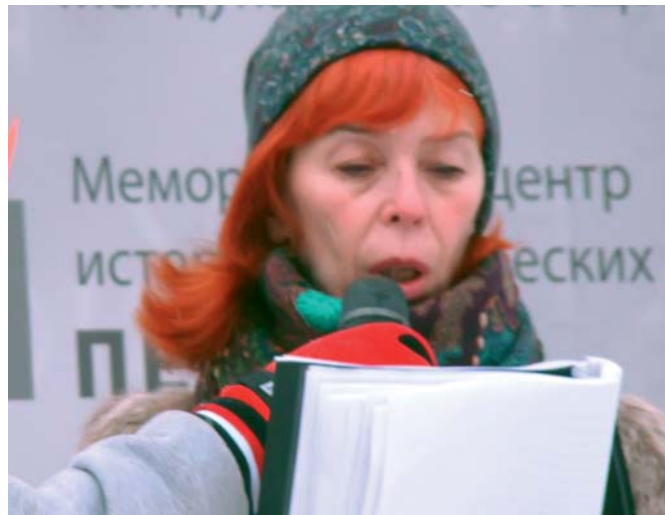
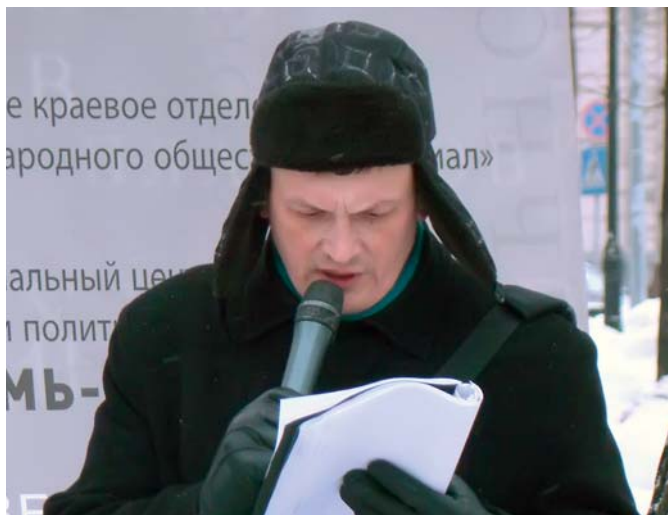
«30 июля 1937 года нарком внутренних дел СССР подписал секретный оперативный приказ под номером 00447. Согласно этому приказу каждой области, краю и республике были даны задания на проведение масштабных репрессий в отношении так называемых «антисоветских элементов». Первая категория репрессируемых подлежала немедленному аресту и расстрелу, вторая – заключению в лагерь или в тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Кроме того, заключению в лагерь или высылке подвергались члены семей «врагов народа». В республиках, краях и областях создавались внесудебные органы – «тройки», которые получили чрезвычайные полномочия. В пределах планов-лимитов, ут-

верждённых в Москве для данного региона, «тройки» выносили приговоры и отдавали приказы о немедленном приведении их в исполнение, включая расстрел, без возможности обжалования.

Последовавшие затем чудовищные, невиданные в истории России и других республик бывшего СССР события стали пиком массовых операций по уничтожению собственных граждан, которые получили впоследствии собирательное название «Большой террор». За неполные полтора года органами НКВД были арестованы более 1 миллиона 700 тысяч человек, из которых около 700 тысяч были расстреляны. Среди последних и 7474 жителя Прикамья. Как показал последующий анализ следственных дел, подавляющая часть осужденных были ни в чём не повинны перед советской властью».

Участие в акции «Возвращение имен» всегда пробуждает в людях много чувств и эмоций. Вспоминает журналист и писатель Любовь Со-

За неполные полтора года органами НКВД были арестованы более 1 миллиона 700 тысяч человек, из которых около 700 тысяч были расстреляны. Среди последних и 7474 жителя Прикамья. Как показал последующий анализ следственных дел, подавляющая часть осужденных были ни в чём не повинны перед советской властью.

колова: «Самая сильная эмоция от контакта с «Мемориалом» – чтение имен убитых на акции «Возвращение имен». Впервые со мной это было морозным утром на Соборной площади в Перми. Имена «возвращать» не так просто, они с усилием «продираются» через просвет голо-совых связок. Физическое усилие, необходимое для проталкивания наружу звука, скукоженного в долгом небытии, вызывает слезы не умиления и радости, а слезы именно от усилия. И вот этот вот глотательный эффект, спазм... Его надо преодолеть. И знаете... они на самом деле возвращаются».

Впереди ещё много акций. Читать и читать имена наших земляков, ставших жертвами политических репрессий! И звучат имена по всему Пермскому краю, и создаются Книги памяти, мартирологи, крепятся к домам мемориальные таблички, устанавливаются памятные знаки. По мнению пермского «Мемориала»: «Память о терроре – это наша общая боль и национальная травма, которые ещё предстоит осознать и преодолеть. Это повод задуматься о политических и общественных реалиях дня сегодняшнего и завтрашнего. Что мы готовы и сделаем для того, чтобы не допустить подобный кошмар и преступления? Какие ценности мы разделяем и хотим передать следую-

щим поколениям? Являются ли безусловными приоритетами в нашем обществе права и свободы гражданина?

Это отнюдь не риторические вопросы. К сожалению, многие россияне готовы сегодня оправдать палачей и людоедский политический режим 1937 года. Поэтому акция «Возвращение имен» – это открытый, принципиальный разговор, который должен просветить незнающих и отрезвить тех, кто готов бесщётно жертвовать людьми ради реализации идей нового сталинского ренессанса».

Тридцать лет «Мемориал» – движение совести. Сегодня у каждого пермяка и жителя края есть возможность принять посильное участие в сохранении исторической памяти, в возвращении имен жителей края. Сохраним эту память вместе!

Память о терроре – это наша общая боль и национальная травма, которые ещё предстоит осознать и преодолеть.

ИРИНА КИЗИЛОВА

Член правления Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал», руководитель общественной правозащитной приёмной.

ПРАВО НА АЛЬТЕРНАТИВУ

В ваш почтовый ящик приходят газеты и письма, а если вы – пенсионер, то раз в месяц почтальон приносит на дом пенсию. Возможно, эту обязанность с некоторых пор выполняет не привычная вам тётюшка преклонного возраста, а молодой человек. Возможно, вы даже удивляетесь: что это он вдруг взялся за такую работу, на которой, как вы слышали от знакомой почтальонши, в месяц платят чуть больше десяти тысяч рублей? Мог бы ведь найти что-нибудь получше, поперспективнее!

Да, конечно, мог бы, если бы этот юноша был обычным вольнонаёмным работником, а не альтернативнослужащим, то есть тем, кто вместо военной службы по призыву проходит альтернативную гражданскую службу (сокращённо АГС). Он – гражданин призывного возраста (от 18 до 27 лет), а посему, когда пришёл срок, должен был выбирать не где и кем работать, а как служить: с оружием или без оружия в руках. Выбрал второе, поскольку военная служба противоречит его убеждениям или верованиям. Возможно, он увлекается пацифистскими идеями великого русского классика Льва Николаевича Толстого или твёрдо следует христианским миролюбивым заповедям. Как же может взять в руки оружие и учиться убивать? Нет, он готов пойти хоть на самую непрестижную работу (часто альтернативщиков даже с высшим образованием направляют дворниками или санитарями в больницы, дома престарелых или инвалидов), лишь бы минула его чаша сия – выполнять приказы военных командиров. И не страшно для него, что АГС длится не один год, как военная служба, а двадцать один месяц: ведь этот срок пройдёт не в солдатской казарме, а под крышей родного дома или в общежитии, которое ему будет обязан предоставить работодатель. А ещё пермские альтернативщики служат даже в балете, если они – выпускники хореографического учили-

ща, или играют роли в спектаклях «Театра-Театра», окончив Институт искусства и культуры.

В советские и в постсоветские времена, в начале XXI века альтернативной гражданской службы в нашей стране не было, как не было и закона о ней, хотя российской Конституцией, принятой в 1993 году, она была предусмотрена. Подавляющее большинство депутатов тогдашней Государственной Думы не хотели принимать федеральный закон об АГС, ссылаясь на то, что в России нет модели её прохождения. Так мы вам предоставим эту модель, решили пермские «мемориальцы», и вместе с другими правозащитными организациями начали создавать её (как это проходило, подробно описано в книге «Альтернативная гражданская служба. Пермский эксперимент». 2001 год издания).

А вообще-то идея продвижения альтернативной гражданской службы в России пришла к руководителям пермского «Мемориала» ещё в 1995 году, когда при создании Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» мы организовали на его базе в 1995 году первый летний волонтерский лагерь. Среди волонтеров был юноша из Германии Тим Бозе. Он рассказал, что в их стране каждый молодой человек после окончания школы

В советские и в постсоветские времена, в начале XXI века альтернативной гражданской службы в нашей стране не было, как не было и закона о ней, хотя российской Конституцией, принятой в 1993 году, она была предусмотрена. Подавляющее большинство депутатов тогдашней Государственной Думы не хотели принимать федеральный закон об АГС, ссылаясь на то, что в России нет модели её прохождения. Так мы вам предоставим эту модель, решили пермские «мемориальцы», и вместе с другими правозащитными организациями начали создавать её.

может выбрать, как ему служить: с оружием в руках или на гражданской службе. Через год Тим приехал в пермский «Мемориал» проходить свою гражданскую службу. Ухаживал на дому за одинокими бабушками и дедушками – жертвами политических репрессий. И такие установились между ними нежные, почти родственные отношения, что даже много лет спустя пермские бабушки и дедушки с огромной теплотой вспоминают этого немецкого, плохо говорящего по-русски парня.

Глядя на Тима, стали ухаживать за одинокими жертвами политических репрессий и пермские волонтеры. Так родилась в нашем «Мемориале» волонтерская социальная служба, действующая по сей день. Молодые люди из этой службы убирают жилища одиноких жертв политических репрессий, покупают им продукты, моют окна во время весенней и осенней акций «Чистые окна».

Из членов волонтерской социальной службы «Мемориала» появились в Перми первые претенденты на альтернативную гражданскую службу. А в 1999 году мы начали проводить свой эксперимент по отработке российской модели альтернативной гражданской службы. В него приняли десятерых пермских ребят призывного возраста. Каждый из них уволился со своей работы и был устроен социальным работником в один из действовавших тогда в Перми центров социальной помощи населению на мизерную, по сравнению со своей прежней, зарплату. Несколько человек были приняты на работу в действовавший тогда в Верхней Курье первый пермский хоспис. Наблюдая за работой этих ребят, постоянно общаясь с ними, мы разрабатывали нашу модель прохождения альтернативной гражданской службы в социальной сфере и здравоохранении.

В конце работы над экспериментом, летом 2000 года, мы поехали с его участниками на Соловецкие острова, на те самые, что расположены в акватории Белого моря, в 150 километрах от Полярного круга. Там усилиями коалиции российских некоммерческих организаций «За демократическую АГС» (в неё входит и пермский «Мемориал») был организован первый российский летний лагерь добровольного труда для альтернативщиков, под названием «Соловки-АГС-2000». Здесь собрались сорок человек со всех концов страны. Нас, пермяков, двенадцать: десять претендентов на АГС, психолог Глеб Леонидович Иванов и автор этих строк. Нашей задачей было отработать экстерриториальный способ прохождения АГС (то есть за пределами своего региона).

Позже об этом уникальном лагере его участники напишут стихи, песни, восторженные отзывы в газетах. Там действительно всё для нас было необыкновенным: и всё время меняющиеся окраску облака на необъятном куполе неба, и замшелые стены древнего, полуразрушенного Соловецкого кремля, знавшего много тайн, навсегда ушедших в минувшие века, и загадочные лабиринты, неизвестно кем разложенные тут и там по Соловецкому архипелагу.

Но самое главное – ребята прикоснулись к великой трагедии десятков тысяч узников, согнанных на Соловки с огромного пространства бывшего Советского Союза по чудовищной прихоти его вождей. (Из Википедии: история Соловецких лагерей на территории архипелага насчитывает 19 лет – с 1920 по 1939 гг. Она связана с формированием и деятельностью системы карательных репрессивных структур в нашей стране после Октябрьского переворота 1917 г.)

Участники лагеря с замиранием сердца слушали рассказы сотрудников музея ГУЛАГа, действующего на территории Соловецкого кремля, тогда ещё не переданного обратно в лоно РПЦ, бродили по монастырским кельям в его толстокаменных стенах с надписями, оставленными сидевшими в них узниками, взбирались на Секирную гору, где было самое страшное для заключенных пыточное место... Это

Глядя на Тима, стали ухаживать за одинокими жертвами политических репрессий и пермские волонтеры. Так родилась в нашем «Мемориале» волонтерская социальная служба, действующая по сей день. Молодые люди из этой службы убирают жилища одиноких жертв политических репрессий, покупают им продукты, моют окна во время весенней и осенней акций «Чистые окна».

оставляло глубокий след в юных душах, учило их понимать сложности истории своей страны, вызывало желание знать все, а не только победные её страницы.

В то же время лагерь решал и чисто утилитарные задачи. Руководители лагеря искали ответы на вопросы, похожие на те, которые мы ставим у себя в Перми, но с поправкой на экстерриториальность. Так, важно было определить, сколько может стоить проживание, питание, обучение АГСников вдали от дома, как организовать их работу и досуг, как контролировать трудовую дисциплину, как лечить, если кто-то заболел, и тому подобное.

Главной задачей молодых участников лагеря было заготовить на зиму дрова для местных малообеспеченных, престарелых жителей. Для этого сначала надо было повалить деревья в лесу, затем перевезти в посёлок, распилить, развезти по домам, а там – нарубить и сложить в поленницы.

Пермские парни участвовали во всём этом процессе от начала до конца. На лесоповале наши ребята провели почти две недели. Их официально оформили лесорубами в бригаду местного лесхоза, а я в их бригаде была поваром, тоже официально оформленным – варила супы и каши на костре посреди лесной поляны.

Условия там были суровые, если не сказать – экстремальные. Жили в палатках, в жару в них слишком душно, а в холод они мало согревают. Погода же на Соловках даже летом очень переменчива. Противомоскитные маски не спасали от несметных полчищ мошкары и комаров. Но никто из ребят не подкачал, а особенно лихо управлялся с бензопилой на лесосеке Вася Жигалов, самый младший из пермской группы, ему только-только исполнилось девятнадцать.

А как здорово было слушать вечером у костра песни Володи Аксёнова под гитару (он не забыл взять её из Перми)! И как замечательно Сережа Селедков изображал старушку (подопечную АГСников) на концерте в поселковом клубе!

Каждый из участников пермского эксперимента получил на официальных бланках «Благодарности» – от администрации посёлка Соловецкий, от руководства местного лесничества, от поселкового совета ветеранов войны и труда и много-много неофициальных благодарностей от самих жителей посёлка, которые, благодаря участникам лагеря, встретили зиму с запасом бесплатных дров.

Мы уезжали с Соловков гордые тем, что выдержали это серьёзное испытание. Увозили с собой разные сувениры. Один из моих – деревянная ложка. На её черенке выжжено: «Соловки-2000». А внутри черпачка изображён ещё

1. Альтернативная гражданская служба – особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву.

2. Правовой основой альтернативной гражданской службы являются Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, а также законодательство субъектов Российской Федерации, применяемое в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону.

(Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об альтернативной гражданской службе», статья 1)

невосстановленный Соловецкий кремль, ещё без креста над шпилем главного храма. Сейчас этот уникальный столовый прибор хранится в Нытвенском музее ложки.

С тех пор ни мне, ни нашим волонтерам ни разу не удалось побывать на Соловках, а хотелось бы. Говорят, там многое изменилось, всем заправляет РПЦ – теперешняя хозяйка кремля, да, по сути, и всего острова. Сохранение памяти о страшной ГУЛАГовской истории Соловков, как видно, не входит в её приоритеты.

На основе нашего эксперимента был написан проект федерального закона об альтернативной гражданской службе. Но Госдума приняла этот важный документ по другому, гораздо более жёсткому проекту, написанному под диктовку Министерства обороны. И только усилиями правозащитных организаций, в том числе и пермского «Мемориала», удалось внести в минобороновский проект поправки, смягчающие некоторые, особенно «драконовские» статьи (например, альтернативная гражданская служба должна длиться не в два раза дольше военной, а в 1,75 раза, что тоже, конечно, как мы считаем, нехорошо).

Закон-то предоставил призывникам право выбора пути служения обществу, да вот местные чиновники в погонах – сотрудники военных комиссариатов – и члены призывных

Важно было определить, сколько может стоить проживание, питание, обучение АГСников вдали от дома, как организовать их работу и досуг, как контролировать трудовую дисциплину, как лечить, если кто-то заболел, и тому подобное.

Если ребята, чьи права нарушают, обращаются в общественную правозащитную приёмную, действующую в пермском «Мемориале» с 1997 года, мы им обязательно помогаем. Рассказываем, как правильно написать заявление на АГС, что приложить к нему, когда отнести в военкомат, чтобы уложиться в обозначенный законом срок, что делать, если призывная комиссия отказалась удовлетворить просьбу о замене военной службы на альтернативную.

комиссий далеко не всегда его выполняют, чиня молодым людям препятствия на пути к АГС. Если ребята, чьи права нарушают, обращаются в общественную правозащитную приёмную, действующую в пермском «Мемориале» с 1997 года, мы им обязательно помогаем. Рассказываем, как правильно написать заявление на АГС, что приложить к нему, когда отнести в военкомат, чтобы уложиться в обозначенный законом срок, что делать, если призывная комиссия отказалась удовлетворить просьбу о замене военной службы на альтернативную.

Когда требуется, сотрудники общественной приёмной помогают написать исковое заявление в суд для оспаривания неправильного решения призывной комиссии. Всё это совершенно бесплатно, ведь «Мемориал» – благотворительная организация.

И вот что важно: деятельность пермского «Мемориала», связанная с защитой прав молодёжи призывного возраста, полностью соответствует его уставным задачам. Да, в Уставе нашей организации записано, что одним из направлений её работы является содействие развитию гражданского и правового самосознания граждан, воспитание молодого поколения в духе правового государства. Пермский «Мемориал» не просто защищает права юношей призывного возраста, но и ведёт их правовое просвещение, содействует развитию гражданского и правового самосознания.

Работая по проекту «Право на альтернативу», поддержанному «президентским» грантом, пермский «Мемориал» проконсультировал бесплатно десятки молодых людей призывного возраста со всего Пермского края; провёл множество информационно-просветительских встреч

с учащимися различных учебных заведений; организовал в Перми межрегиональный форум альтернативнослужащих и претендентов на АГС. А ещё издал буклеты и брошюры для претендентов на АГС – о том, как правильно подготовиться к прохождению АГС; для учителей – о том, как информировать учеников об их праве на выбор пути служения обществу; для сотрудников военкоматов и членов призывных комиссий – о том, как принимать и рассматривать заявления на АГС; для руководителей региональных министерств и ведомств – о том, как продвигать АГС в Пермском крае; для работодателей (руководителей учреждений и организаций) – о том, как создавать рабочие места для альтернативной службы и как взаимодействовать с альтернативнослужащими.

Институт альтернативной гражданской службы в России проходит стадию становления. Из-за «ножниц» в законодательстве встречается немало шероховатостей в отношениях между претендентами на АГС и военкомата-

ми, между альтернативнослужащими и работодателями. Пермскому «Мемориалу» в этом году удалось добиться создания краевой межведомственной рабочей группы по вопросам АГС. Возглавил её заместитель министра территориальной безопасности Пермского края Игорь Гончаров. Среди членов рабочей группы – представители различных министерств и ведомств, общества «Мемориал», Совета родителей военнослужащих Прикамья.

Работа по проекту «Право на альтернативу» продолжается, причём не только в Пермском крае, но и в городах Свердловской и Кировской областей, в республиках Марий Эл, Татарстане и Чувашии. Там работают координаторы нашего проекта и созданы условия для бесплатного консультирования молодых людей призывного возраста. А это значит, что молодых людей, помогающих людям в больницах, домах престарелых и инвалидов, на почте и в других местах, где сегодня остро ощущается дефицит рабочих рук, станет больше.

«Последний адрес» в Пермском крае

С 2015 года в Перми и в территориях края периодически проходят акции по установке небольших мемориальных табличек с именами разных людей, погибших в годы репрессий. Такие процессы происходят по всей стране с 2013 года в рамках общественной инициативы «Последний адрес». «Оператором» этого проекта является некоммерческий Фонд увековечивания памяти жертв политических репрессий «Последний адрес», основателями которого стали международный «Мемориал» и группа инициативных граждан. основополагающий принцип проекта – «Одно имя, одна жизнь, один знак».

Суть в установлении персональных мемориальных знаков людям на фасадах домов, адреса которых стали последними прижизненными адресами жертв политических репрессий. Мы беседуем с координатором акции в Пермском крае, членом правления Пермского отделения общества «Мемориал» Александром Чернышовым.

– Когда начинался этот проект, скептики предвещали, что весь город в табличках будет. Что удалось? Сколько табличек установлено сейчас?

– «Последний адрес» начался в Перми с приездом Сергея Пархоменко в феврале 2015 года. Тогда в библиотеке имени Горького прошла встреча, на которой рассказывалось об этом проекте. Фонд «Новая коллекция» и пермский «Мемориал» решили поддержать эту инициативу. Появились заявки, появились адреса. И летом 2015 года, точнее 10 августа, мы устанавливали первые четыре таблички в Перми, а 11 августа в Коми-Пермяцком округе, в селе Купрос Юсьвинского района. С тех пор установлено 40 табличек – 23 в Перми и 17 – в территориях края.

Все установленные таблички сохраняются. Заявки поступают до сих пор. Сегодня поступила очередная заявка.

– Кому ставятся таблички?

– Самым простым людям. Есть медсестры, есть студенты, инженеры, слесари. Есть стрелочник на железной дороге. Есть директора, сотрудники вузов, писатели, обычные крестьяне. Крестьян человек семь наберется, наверное.

– Кто инициирует установку табличек?

– Это или родственники, или просто неравнодушные люди.

– А в педагогическом университете неравнодушные люди были?

– Да. Это Виталий Сергеевич Ковин. 30 октября мы открыли там табличку. Рас-

скажу, как возникла идея. 2 июля этого года мы ставили в Перми на доме по ул. Пушкина, 1, таблички памяти репрессированным студентам сельскохозяйственного института. И среди участников, кто был на церемонии, был Виталий Сергеевич Ковин. Когда все разошлись, мы стали общаться. Он говорит: «Хорошо бы теперь табличку и на педагогический университет поставить». В архиве я взял архивно-следственные дела, стал их изучать. Оказалось, что репрессии коснулись многих преподавателей, директора института, коснулись студентов. Вуз поддержал идею установки таблички памяти репрессированного директора педагогического института Поликарпа Георгиевича Погожева. Теперь эта табличка установлена на одном из корпусов педагогического университета.

– Что, по вашему мнению, самое главное в этом проекте?

Я думаю, что главное в этом проекте – побудить неравнодушных. Мы много рассказываем об этом проекте.

– Я думаю, что главное в этом проекте – побудить неравнодушных. Мы много рассказываем об этом проекте. Например, когда проводятся передвижные выставки, которые возят по Перми и краю сотрудники пермского «Мемориала» Дмитрий Окунцев и Иван Васильев, в беседах с посетителями наши коллеги рассказывают и о проекте «Последний адрес». Собранные материалы по проекту могут быть предметом исследования студентов. Так и было, когда преподаватель НИУ ВШЭ Алексей Каменских руководил исследовательской работой студента по материалам, собранным в рамках проекта. Результаты работы мне не известны, но верю, что эта очень перспективная тема будет интересна студентам – историкам, политологам и краеведам. Я вижу перспективы в развитии темы репрессий в годы Большого террора 1937–1938 годов против студентов и преподавателей пермских вузов.

– А пока истории инициатив исходят скорее от граждан, чем от организаций?

– Есть чрезвычайно интересные истории. Например, в Гайнском районе есть бывший Мысовской сельсовет. Это поселок Жемчужный. Интересно то, что нынешние жители бывшего сельсовета и те, кто там уже не живет, а живет в других местах, собирают материалы о жизни своей малой родины. В том числе интересуются и памятью о репрессиях. Это коми-пермяки. Они берегут свои традиции.

Там в годы репрессий 1930-х просто вся жизнь раскололась. Там много было репрессированных. И примерно 80% из всех репрессированных в годы Большого террора были расстреляны. Там просто зачистили территорию, разорвав семьи и традиции. И их ныне живущие потомки всё помнят, собирают истории, книги пишут. Один из жителей был инициатором двух экспедиций в тот район. И установления табличек. Мы установили там временный мемориальный знак. А потом сделали инсталляцию «Стол исследователя» в кабинете истории в школе пос. Жемчужном. Для «Стол исследователя» мы откопировали некоторые листы из архивно-следственных дел, нашли предметы 1930-х годов, только лампы красной не хватает для стола... Но пока есть там полочка с книгами и копиями архивных документов. Всё это происходит на фоне инициативы граждан и их желания сохранить память.

Первая табличка в Гайнском районе установлена в апреле 2017 года в поселке Сергеевском по инициативе почетного председателя пермского «Мемориала» Александра Михайловича Калиха. Посвящена она Александру Фабиановичу Ничиперовичу. А вторая табличка посвящена Фёдору Васильевичу Остапову. Она установлена в июле 2018 года. На территории Пермского края это самая северная табличка – пос. Жемчужный Гайнского района, от Гайн ехать ещё сто километров. В этом же году установили самую южную табличку на сегодняшний

Всё это происходит на фоне инициативы граждан и их желания сохранить память.

день – в селе Краснояр Куединского района. Табличка памяти Аркадия Спиридоновича Михалёва.

Хочу подчеркнуть, что есть большая инициатива, с которой мы постоянно сталкиваемся, идущая от жителей края, которые хотят сохранить память о репрессированных. Люди ищут форму. Где-то это «Последний адрес», где-то памятник, кто-то даже книгу способен написать. Есть люди, которые годами исследуют какую-то тему, допустим, из истории своего поселка. Это используется потом в общей Книге памяти. Например, Анатолий Павлович Власов, уроженец села Кочево. Он на свои деньги издал двухтомник «Отдать должное...». Это книга о политических репрессиях в Коми-Пермяцком округе. Материалы этого двухтомника широко используются. Анатолий Павлович мог бы ещё писать, только денег на новое издание, по его словам, у него уже нет. В следующем году будет юбилей поселка Усть-Онолва Кочёвского района, в котором прошло детство Анатолия Павловича. Можно объединить истории, собранные разными исследователями, и сделать сборник очерков по истории этого поселка. Например, в Усольском районе

уже вышло две книги по истории бывших спецпоселков. Почему бы не продолжить эту традицию?!

– То есть собрание и издание истории о земляках может стать неким своеобразным культурным маркером территорий Пермского края?

– Я верю, что эта потребность писать и эти материалы, которые уже собраны, найдут какую-то форму. Просто они везде разные. Кто-то, например, хочет, чтобы был большой памятник. И сами местные жители проявляют инициативу по подготовке и открытию памятника. Кто-то хочет установить табличку «Последнего адреса». «Последний адрес» – это не только про семейную память. Например, два крупных писателя Коми-Пермяцкого округа зафиксированы в табличках. Самые крупные их писатели – Михаил Павлович Лихачёв и Андрей

Никифорович Зубов. Две библиотеки округа названы их именами: ГКБУК «Коми-Пермяцкая центральная национальная библиотека им. М.П. Лихачёва» и Коми-Пермяцкая детская библиотека имени Андрея Никифоровича Зубова. Это инициатива Кудымкара. Они так захотели увековечить память своих писателей. А кто-то родственникам таблички ставит, и это вдохновляет других на подобные действия. В Коми-Пермяцком округе восемь табличек: по одной в Юсьвинском и Кочёвском районах, две в Кудымкаре, две в Кудымкарском районе и две в Гайнском районе. Это всё желание сохранить память. И материалы эти могут войти в общее исследование о Большом терроре, дополняя собой общую картину этой трагедии.

– Каждая табличка – всегда особенная история?

Желание сохранить память. И материалы эти могут войти в общее исследование о Большом терроре, дополняя собой общую картину этой трагедии.

– Вот, например, пермское «польское дело». Из сорока одного арестованного в пермском «польском деле» уже установлены таблички десятерым арестованным по этому делу, то есть каждому четвертому. «Последний адрес» хорошо открывает давно ушедшее время репрессий 1930–1950-х годов. Мы знакомимся и с документами, и с воспоминаниями

На территории Пермского края это самая северная табличка – пос. Жемчужный Гайнского района, от Гайн ехать ещё сто километров. В этом же году установили самую южную табличку на сегодняшний день – в селе Краснояр Куединского района. Табличка памяти Аркадия Спиридоновича Михалёва.

родственников, исследуем эту тему, фотографии смотрим и приходим на то место, к тому дому, который стал для человека «последним адресом». Всё это вместе открывает то время. Поэтому, когда мы готовимся к какой-то табличке – ведется исследовательская работа. Табличка – только вершина айсберга. И когда собирается материал по подготовке для установки таблички – напрашивается новое исследование.

В Березниках установлено две таблички. Обе – инженерам березниковского химкомбината, Дмитрию Адамовичу Алексюку и Витольду Иосифовичу Свидерскому. В Березниках, когда в июле 2017 года установили вторую табличку, одна из газет взяла и стала публиковать в каждом номере истории репрессированных. Рубрика эта была у них полгода.

Есть ещё интересная история. Это Хамис Харисович Зарипов. Ему сегодня 99 лет. Он поставил табличку своему однокласснику Шингарееву Саиду-Гарееву, которого арестовали, когда ему было 18 лет. Хамис Харисович всю жизнь хранил память о своем друге. На прошлой неделе к нему приезжала съемочная группа из Москвы. Они

посчитали эту историю интересной, и она войдет в материалы, посвященные пятилетию «Последнего адреса». В Москве этот проект стартовал в 2013 году.

– А бывает так, что установили табличку, кто-то увидел, узнал о проекте и тоже захотел присоединиться к этой инициативе?

– Когда поставили табличку Косареву Леониду Михайловичу на улице Татьяны Барамзиной, 42/3, это возле Перми II, житель этого дома Валерий обратил на это внимание. На его новом доме табличку поставили. Он захотел сделать табличку своему родственнику, который жил и был репрессирован в поселке Углеуральском. Мы потом туда ездили, собирали местных краеведов, исследовали место, где он жил. Выяснили, что сейчас там лес густой и негде ставить табличку. Материалов по репрессированному родственнику у мужчины собралось много. Местный музей – муниципальное автономное учреждение «Губахинский городской историко-краеведческий музей» у него их попросил для использования 30 октября. И он их отдал. Теперь сотрудники музея рассказывают об этом челове-

ке. И я думаю, что они и дальше будут использовать материалы, которые им передали.

– Что нужно сделать, чтобы поставить табличку?

– Нужно обратиться на сайт «Последний адрес» (<https://www.poslednyadres.ru>), который находится легко, через любую поисковую систему. И там заполнить несколько строчек заявки. Нажать кнопку «отправить». Заявка регистрируется в Фонде. Потом эту заявку пересылают мне как координатору. И я уже начинаю подготовку: это работа в архиве, это согласование с владельцем дома и получение разрешения на установ-

Табличка – только вершина айсберга. И когда собирается материал по подготовке для установки таблички – напрашивается новое исследование.

то очень важное в жизни людей происходит.

Эти таблички объединяют родственников. Бывает, что люди по 20 лет не виделись, а табличка их объединила. Вот, например, в мае 2018 года в микрорайоне Висим (Мотовилихинский район города Перми) ставили табличку памяти репрессированного Григория Кирилловича Кириллова. На церемонию собралось четыре поколения родственников. Там так и было – уточняли, кто кому кто, вспоминали, кто кого сколько лет не видел.

Нужно обратиться на сайт «Последний адрес» (www.poslednyadres.ru), который находится легко, через любую поисковую систему. И там заполнить несколько строчек заявки. Нажать кнопку «отправить». Заявка регистрируется в Фонде. Потом эту заявку пересылают мне как координатору. И я уже начинаю подготовку: это работа в архиве, это согласование с владельцем дома и получение разрешения на установку таблички на доме. Когда всё это получено, отправляется материал для изготовления таблички, которая потом приходит в Пермь из Москвы. Затем мы согласовываем время установки, так, чтобы всем было удобно: и заявителю, и местным жителям, и «Мемориалу». Церемония всегда проходит индивидуально.

ку таблички на доме. Когда всё это получено, отправляется материал для изготовления таблички, которая потом приходит в Пермь из Москвы. Затем мы согласовываем время установки, так, чтобы всем было удобно: и заявителю, и местным жителям, и «Мемориалу». Церемония всегда проходит индивидуально. Нет какого-то шаблона. Сложилась традиция – по возможности, кроме таблички, ставить фотографию, которая либо крепится на дом деревянный, либо как заламинированная фотография под табличку пристраивается. Это только у нас, в Пермском крае, такое есть. По инициативе людей. И обязательно какое-то мероприятие проводится. Так судьба человека встраивается в картину репрессий нашего региона.

Например, в Кудымкаре, в библиотеке им. Лихачёва, проводилось мероприятие в честь писателя, и тогда же мы установили табличку.

А в селе Карьево Ординского района, когда там ставили таблички, то вна-

чале провели мероприятие в школе, потом – церемонию установки сразу двух табличек. На неё собралось примерно 60 человек со всего села. Там церемония открытия таблички была на татарском языке.

Очень разные мероприятия бывают.

– Сколько стоит поставить табличку?

– Стоимость – 4000 рублей. После установки через Сбербанк оплачивается. Вы знаете, заявители всегда очень благодарны. 21 сентября 2018 года мы ставили табличку в Краснокамске памяти Бикмухаметова Яруллы. Двадцать человек родственников собралось. Семь человек из Москвы приехали. Когда установили табличку, мы все пошли в Краснокамский музей истории политических репрессий, созданный Василием Ильичом Докукиным, основателем краснокамского «Мемориала». И там собрались все родственники репрессированного Бикмухаметова, чувствовалась единая семья и то, что в эту секунду что-

Каждая история приводит в движение самые неожиданные силы. И каждый раз много чего можно сделать кроме установки таблички. Принять участие в проекте может каждый, кому небезразлична историческая память. Варианты участия разнообразны: от роли жертвователя каких-то ресурсов до роли инициатора установки таблички, от волонтера, помогающего в работе с материалами, до исследователя, просветителя, публициста.

Подробнее познакомиться с проектом «Последний адрес» можно здесь: <https://www.poslednyadres.ru/about/> и здесь: <http://pmem.ru/4296.html>

Эти таблички объединяют родственников. Бывает, что люди по 20 лет не виделись, а табличка их объединила.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШОВ

История одной таблички

Среди бесконечной череды станций и остановочных площадок на Транссибирской магистрали есть остановочная площадка Волегово, расположенная в Пермском крае, между городами Кировом и Пермью. Десятки поездов – грузовых, пассажирских и ремонтных – ежедневно проезжает мимо Волегово, лишь разнося по округе перестук колес и сигналы локомотивов...

И только проходящая электричка связывает остановочную площадку «Волегово» с краевым центром – городом Пермью. Пока пассажир ждет электричку, его взору обязательно предстанет большое, обветшалое деревянное пристанционное здание. Здесь раньше жили семьи железнодорожников, была касса и небольшой зал ожидания. В 1930-х годах здесь жила семья Поликарпа Дементьевича Гилёва, который сотрудниками НКВД 7 июля 1937 года был арестован как контрреволюционер, а вскоре – расстрелян. Жена с маленькими детьми остались одни... Таких историй в России в годы Большого террора – сотни тысяч. Имена репрессированных хранят родственники да архивно-следственные дела в региональных архивах. Память о Поликарпе Дементьевиче Гилёве несколько десятилетий хранили его дети, которые были очевидцами его ареста. Видимо, таково свойство нашей памяти: она требует передать воспоминания, а страницу в жизни, которая является «болевой» – рано или поздно открыть и отдать должное прошлому. Тема политических репрессий в годы сталинизма известна благодаря произведениям А. Солженицына, В. Шаламова, работам современных историков. Чаще всего можно услышать о репрессированных писателях, политиках, учёных. О репрессиях против слесарей, медсестер, колхозников почти не слышно, а между тем именно таких «простых» историй – большинство. Открыть страницу истории, посвященную репрессиям против «обычных» людей, установить памятный знак конкретному человеку – сегодня возможно, и помогает в том Всероссийский проект «Последний адрес».

Проект «Последний адрес» – это точка пересечения интересов заявителя на установку мемориального знака и историка, изучающего тему политических репрессий в регионе; разнообразного исторического материала (воспоминаний, документов, фотографий) и памятных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением открытия знака. Установка мемориального знака в память о Поликарпе Дементьевиче Гилёве в труднодоступном поселке Волегово собрала три десятка человек: родственников, представителя местной администрации, жителей Волегово и близлежащих деревень. Звучали воспоминания, рассказы о дово-

енной жизни, без пафоса и официальных речей. Во время установки знака некоторую импровизацию проявили дети и внуки Поликарпа Дементьевича: над знаком установили его фотографию, а под знаком – цветы. Воспоминания о довоенной жизни, о судьбе семьи Гилёва продолжились за чашкой чая в помещении пристанционного здания, и во время небольшого путешествия в соседнюю деревню, где жила семья Гилёвых после ареста главы семьи. Воспоминания слились в единую, целостную картину тех лет. Такая картина, на мой взгляд, лучше учебников и фильмов открывает историю политических репрессий, позволяет глубоко почувствовать всю боль, которую пережила семья.

Установлен очередной знак, открыта новая страница, но работа продолжается: пишутся очерки, монтируется видеозапись открытия знака, а кто-то уже размышляет о своих родственниках, пострадавших в годы репрессий, и думает о подаче заявки на установку мемориального знака...

...В очередной раз на Транссибирской магистрали между Кировом и Пермью промелькнет остановочная площадка Волегово, незаметно и обыденно, но установленный знак уже выделил эту местность и оставил в памяти след далеко не только у родственников Поликарпа Дементьевича Гилёва. Поезд быстро уносит нас от Волегово, а мы ещё долго вспоминаем день установки знака, воспоминания родственников...

МАРИЯ ГОРБАЧ

С конца 1990-х годов добровольческая повестка пермского «Мемориала» тесно соединяет людей из разных стран, регионов, городов, приезжающих в волонтерские лагеря, на добровольческий год или стремящихся помочь живущим рядом людям, чья жизнь была отравлена репрессиями.

Добровольчество – трудовая и интеллектуальная традиция пермского «Мемориала»

За двадцать лет существования в разных статусах молодежного «Мемориала», прошедшего путь от инициативной группы до организации и снова инициативной группой ставшего, очень разные люди прошли через трудовые и образовательные практики, связанные со становлением и развитием добровольчества. В «Мемориале» круглый год работала волонтерская социальная служба, организующая разнообразную помощь пермякам и жителям края. Волонтеры могли несколько раз в неделю ходить в магазины за покупками, помогать с уборкой и другими домашними делами, вести разговоры (порой одиночество страшнее прочих трудностей!) или играть в шахматы. Летом в рамках международного лагеря «Квартира» группы молодых

людей осуществляли косметический ремонт нескольких квартир жертв политических репрессий. Помогали как пермякам, так и жителям края. Велик вклад волонтеров в реконструкцию музея «Пермь-36», поскольку, начиная с 1995-го и до 2013 года, каждое лето несколько волонтерских смен безвозмездно трудились на благо музея.

Трудовая деятельность всегда сопровождалась просветительскими и образовательными практиками. Именно поэтому многие молодые люди, прошедшие волонтерские лагеря, семинары и мастер-классы в рамках программы «Творческие мастерские волонтера», работавшей более 15 лет, сегодня работают в различных сферах, связанных с молодежной по-

литикой, образованием, просвещением и защитой прав человека.

Наиболее яркими вехами эпохи мемориальского добровольчества было сопровождение краевого конкурса «Волонтер года», системно проводящиеся в Перми акции кампании «Мой мир без вражды», акция социальной помощи гражданам «Чистые окна», издание журнала «Волонтеркин» и работа сайта [volonter59](http://volonter59.ru), успешно объединявшего на своих страницах международную, всероссийскую и краевую волонтерские повестки.

Большая работа велась в области международного добровольчества, начиная с традиционного для Европы волонтерского года (когда молодой человек за стипендию едет в другую

За развитие добровольчества мы получили четыре национальных (федеральных) общественных награды. За «Мой мир без вражды», как лучший ресурсный центр в области добровольчества, как лучшая волонтерская социальная служба.

страну, где помогает, например, пожилым людям) до волонтерских смен в Перми, в Кучино, в территориях края, например в Добрянке. Молодые люди из разных стран жили и работали в Перми, знакомились с разными людьми и культурой, общались, участвовали в событиях из жизни города и общественных организаций. Многие пермяки, в свою очередь, ездили по обмену в другие страны, где так же работали, изучали язык и культуру, дружили, любили, изменяли мир к лучшему.

Сегодня добровольческие инициативы «Мемориала» не столь масштабны и влиятельны. О том, почему так «свернулась» волонтерская деятельность мемориальцев, мы говорим с Робертом Латыповым.

– «Мемориал» уже не проводит конкурс «Волонтер года»?

– Мы ушли из этой церемонии пять лет назад. «Мемориал» был одним из инициаторов вручения знака «Волонтер Прикамья». Это не было исключительно нашим проектом, но мы были активными исполнителями. На протяжении шести или семи лет мы вели этот конкурс от сбора заявок, выявления лучших до церемонии награждения. Чуть позже появился знак «Доброволец Перми». И какое-то время эти знаки существовали параллельно. Потом «Волонтер Прикамья» закончился. Почему «Мемориал» взял на себя сопровождение этого конкурса?

Мы всегда последовательно говорили, что необходимы знаки поощрения добровольцев. Мы не настаивали на том, как это должно проводиться и как выглядеть. Мы говорили, что в крае необходимы разные виды общественных наград. И когда была возможность в это включиться, мы брали это на себя.

– «Мемориал» ушел из добровольческой сферы?

– Не понимаю. Поясни.

– Долгое время «Мемориал» был законодателем моды в вопросах добровольчества. Ресурсным центром, реализующим много проектов. А потом раз – и «ушел» из этой области вообще. То есть перестал реализовывать масштабные добровольческие проекты, оставив лишь помощь

своим благополучателям, то есть волонтерскую социальную службу при организации. Это перестало быть актуальным?

– За развитие добровольчества мы получили четыре национальных (федеральных) общественных награды. За «Мой мир без вражды», как лучший ресурсный центр в области добровольчества, как лучшая волонтерская социальная служба. Мы «ушли» из этого поля по очень простым причинам: добровольчество стало очень официальным и перестало быть интересным для той аудитории, с которой мы стремились работать. И дело не в ресурсах! Мы даже предлагали тот же самый «Волонтер Прикамья» вести за свой собственный счет. Мы предлагали это министерству культуры. Отмечу ещё раз, что дело не в ресурсах. Тогда нам не пошли навстречу.

синой и Виктором Шмыровым как предательство. То есть волонтерство для нас остается важной составляющей организации и по качеству, и в проектах, и по мироощущению, в том числе как одна из основ продвиженной миссии «Мемориала». С другой стороны, уменьшились масштабы, сократилось многообразие. Да, «Мемориал» перестал делать образовательные программы, школы для волонтеров. Но я не очень по этому поводу переживаю. Нет ощущения трагедии, потому что что-то в этом поле есть. Кто-то проводит какие-то семинары, какие-то процессы идут, какие-то семинары проводятся. То есть теплится всё, а значит, мы не зря работали. Мы же формировали моду на добровольчество, создали условия для того, чтобы добровольчество воспринималось как нормальное, совершенно осознанное явление для современного общества. Мы сделали всё возможное, выступая таким посредником для рекрутинга молодых людей для разных организаций, не только для нас. Мы заложили эту основу. Всё!

Ну, сказав «всё», Роберт, конечно, погорячился. Инициативная группа Молодежный «Мемориал» поддерживает работу волонтерской социальной службы как в системной деятельности (регулярная помощь старикам), так и через периодические акции. Каждый год осенью и весной проводится акция «Чистые окна», когда в квартирах благополучателей «Мемориала» появляются молодые люди, оснащенные необходимым инвентарем, и делают жизнь чище, светлее, радостнее. Регулярно собираются и проводятся волонтерские лагеря, разнообразные экспедиции, организуются передвижные выставки и другие акции, на которых молодые люди не гости, а полноценные участники.

Мемориальское добровольчество продолжает менять мир и руками вы-

По времени эти события совпали с началом репрессий против НКО, таких как «Мемориал». Это было в 2012–2013 году, когда приняли и запустили закон об иностранных агентах. Это совпало и с новым витком обсуждения закона о добровольчестве, где были совершенно ужасные вещи, типа электронного дневника волонтера. Мы заявили свой протест и поняли, что актуальным становится работа по другим направлениям. Например, там шла речь о нарушении многих прав общественных организаций, порой граничащих с правом на существование.

С другой стороны, стало очевидно, что добровольчеством есть кому заниматься. Когда мы начинали поднимать тему волонтерства, создавая молодежный «Мемориал», таких организаций не было. А теперь появились всякие, очень разные организации, формальные и неформальные, увлеченные защитой животных и экологией, – разные люди с разными темами.

– В моем понимании, у «Мемориала» было какое-то качественное добровольчество, социально ответствен-

ное добровольчество, на котором вырастали лидеры и которое было подкреплено не только физическим трудом, но и образовательными практиками. Была система, результаты которой видны сейчас в Йошкар-Оле, Саранске, в других территориях, где наши бывшие участники проектов сами становятся руководителями различных молодежных подразделений, проектов, инициатив.

– Волонтерство, может быть не в тех масштабах, в которых оно было раньше, в «Мемориале» осталось. Поисковые экспедиции, волонтерские лагеря, социальная служба, проводящая акцию «Чистые окна» и другие акции для наших стариков. Международное добровольчество осталось. В этом году 35 юношей и девушек уехали в социальные лагеря, четыре человека ушли на добровольный социальный год. У нас сейчас Серджио работает и Ника из ASEF. Некоторые изменения случились не по нашей вине. Например, для меня до сих пор большая боль – исчезновение лагеря «Пермь-36». И я бы даже рассмотрел многие варианты, типа палаточного лагеря, как мы делали в 2012 году, лишь бы это не воспринималось Татьяной Кур-

Мы же формировали моду на добровольчество, создали условия для того, чтобы добровольчество воспринималось как нормальное, совершенно осознанное явление для современного общества. Мы сделали всё возможное, выступая таким посредником для рекрутинга молодых людей для разных организаций, не только для нас. Мы заложили эту основу. Всё!

пускников различных программ, работающих по всей России и в Европе. Невозможно перечислить всех, кто изменился благодаря соприкосновению с деятельностью пермского «Мемориала». В одной только Йошкар-Оле трое участников волонтерских лагерей воспитывают новых добровольцев, реализуя разнообразные образовательные и просветительские проекты. Ольга Васильева и Анастасия Окулова, кроме работы с молодежью в рамках работы в некоммерческой организации и в одном из вузов города, являются членами общественной наблюдательной комиссии, то есть напрямую занимаются защитой прав человека.

Перечислять волонтеров, которые не ушли от дел, можно долго. Годы спустя до нас долетают отзывы, благодарности и какие-то впечатления, выводы о том, как работа в «Мемориале», как опыт лагерей и образовательных практик отразился на становлении личности, повлиял на молодого человека, позволил сделать нравственный выбор в какой-то жизненной ситуации.

Интересно наблюдать, как с годами меняются участники волонтерских программ. Интересно фиксировать, что и как меняется в их отношении к миру, в проявлении гражданской позиции, в реализации. Есть какие-то общественные истории, есть истории личные. Оба моих сына прошли через волонтерские лагеря. Старший принял участие в трех сменах, младший, будучи семи лет от роду, участвовал в двух. Плюс различные акции и образовательные проекты. Скажу честно, опыт для меня как для матери был непростым. Много свободы, много разнообразного опыта и возможностей выбора до сих пор бушуют в старшем ребенке и очень ровно расположились в картине мира младшего. Неожиданным ответом Тараса, который попал в волонтерскую жизнь в детстве, но сейчас не является активистом какого-либо волонтерского объединения, я бы хотела поделиться: «Что дал мне «Мемориал»? Во-первых, это воспоминания. Я никогда не забуду, как я работал в разных лагерных сменах в Кучино в музее «Пермь-36». Мы чинили забор. Вроде бы это и мелочь, но это счастливые моменты из жизни. Никогда не забуду, как директор музея (испол-

нительный директор, Татьяна Курсина. – М. Г.) вручила мне книжку и значок с эмблемой «Пилорамы». Это было очень приятно и незабываемо! Во-вторых, не знаю, как другие, но я получаю много радости от осознания того, что помогаю людям. Эта помощь требует затраты минимума усилий. А радость, ощущение благодарности всегда велики. Тебе даже спасибо достаточно «спасибо», чтобы обогреть душу. Так рождается понимание, что хоть что-то в этом мире ты точно делаешь правильно. От «Мемориала» можно получить то, что не получишь ни от кого другого».

Участница нескольких волонтерских смен в Кучино Анастасия Окулова сегодня руководит волонтерским движением в Приволжском государственном технологическом университете. Её воспоминания об опыте, полученном в Перми, весьма эмоциональны: «Мемориал» стал для меня открытием, если честно. Для меня «Мемориал» – это люди. Люди, к которым мне всегда хотелось и хочется возвращаться. Люди, которым небезразлично то, что происходит вокруг.

Лагеря были для меня копилками идей, мнений, знаний, впечатлений и эмоций. Я смело могу сказать, что в лагере меня научили говорить! Говорить то, что я думаю, что я хочу сказать, а не то, что хотят услышать от меня другие. Именно с 2011 года я получила возможность выразить свою точку зрения, научилась правильно преподносить то, что думаю, и получить положительный

результат. Это очень помогает в жизни! И в карьере тоже».

Сегодня волонтерская социальная служба «Мемориала» помогает очень разным людям. Это не только жертвы политических репрессий. Это ветераны войны, инвалиды, те, кто нуждается в помощи и участии. Инициативная группа Молодежный «Мемориал» объединяет очень разных молодых людей, готовых помогать другим не только словом, но и делом, реальным физическим трудом. Хочется верить, что добровольчество всегда будет одним из ярких и самобытных направлений деятельности пермского «Мемориала».

Мемориальское добровольчество продолжает менять мир и руками выпускников различных программ, работающих по всей России и в Европе. Невозможно перечислить всех, кто изменился благодаря соприкосновению с деятельностью пермского «Мемориала».

ПОМОЩЬ ГРАЖДДАНАМ от пермского «Мемориала»

Читая в названии организации слово «благотворительная», житель Перми или иной территории края вправе задуматься над вопросом: «Какую помощь граждане могут получить сегодня в офисе «Мемориала»?» На сегодняшний день существует несколько направлений благотворительной деятельности, осуществляемой одной из старейших некоммерческих организаций Пермского края.

1. Помощь молодым людям в реализации права на замену воинской службы на альтернативную гражданскую службу (АГС).

Много лет член правления пермского «Мемориала» Ирина Дмитриевна Кизилова проводит консультации для призывников по вопросам выбора альтернативной гражданской службы. Вопросов у молодых людей всегда много. Как составить заявление? Какова процедура реализации права на АГС? Как доказывать свои убеждения? Вопросов много. И на все вопросы у Ирины Кизиловой есть ответы.

Общественная правозащитная приёмная действует в Пермском краевом отделении общества «Мемориал» с 1997 года. За прошедшие годы бесплатные консультации получили сотни допризывников, призывников, претендентов на альтернативную гражданскую службу, военнослужащих по призыву и по контракту, альтернативнослужащие. Правозащитниками отработаны эффективные методы досудебной защиты призывников, военнослужащих и альтернативнослужащих, пострадавших в результате нарушения их законных прав. Результаты этой бескорыстной работы находят признание и поддержку не только у наших клиентов, но и у органов власти, краевой

учителям. Раздел так и называется – «В помощь учителю» (<http://pmet.ru/index.php?id=34>). На сайте представлено методическое пособие «История сталинской эпохи». Мультимедийное пособие подготовлено сотрудниками пермского молодёжного «Мемориала» и предназначено для учителей истории. Здесь опубликованы материалы, которые помогут преподавателю обсудить со старшеклассниками и наглядно показать особенности сталинской эпохи: методологические разработки к урокам, презентации к ним, темы возможных дискуссий, документы центральных и региональных архивов, воспоминания, статьи исследователей. Один из разделов включает специально разработанные материалы для подготовки к сдаче ЕГЭ по истории.

и районных призывных комиссиях. Консультации проводятся очно и заочно, на благотворительной основе.

Дистанционное консультирование осуществляется:

- по телефону: (342) 282-54-42,
- по электронной почте: ikizilova@yandex.ru.

2. Волонтерская социальная служба, обеспечивающая помощь на дому очень разным людям. Работу этого направления обеспечивает инициативная группа молодёжный «Мемориал» и координатор волонтерской службы Кристина Владыкина. С 2015 года Кристина, несколько лет до этого сама работавшая волонтером «Мемориала», помогает встретиться пожилым людям, нуждающимся в помощи, с молодыми, активными юношами и девушками, готовыми потратить несколько часов в неделю на помощь благополучателям организации. За много лет работы волонтерской социальной службы мало что изменилось. Очень разные люди просят об очень разной помощи: от типичного сходить в магазин или помочь с уборкой до простого – поговорить, попить вместе чаю или поиграть в шахматы. Работа координатора – помочь встретиться нуждающимся с их добровольными помощниками, выступить переговорщиком в случае недопонимания сторон (а такое тоже бывает), а также успокаивать, вразумлять, вдохновлять, убеждать, разделять радость и заботы и много-много всяких рациональных и эмо-

циональных особенностей есть в этой творческой, благодарной, но весьма непростой работе. Каждый желающий всегда может попробовать себя в роли помощника. Хотя бы два раза в год – во время акции «Чистые окна».

3. Разнообразная консультационная помощь по вопросам восстановления прав репрессированных, сохранения исторической памяти семьи или в изучении истории, связанной с годами Большого террора на территории Пермского края, оказывается всеми сотрудниками «Мемориала».

4. Большой раздел сайта организации посвящен оказанию методологической и содержательной помощи

Педагоги могут также найти на сайте документы и другие материалы для работы, списки литературы и описание разнообразных проектов, которыми можно воспользоваться в образовательной и просветительской деятельности.

Кроме того, «Мемориал» – возможность реализовать для очень разных людей. Можно быть волонтером и помогать старикам. Можно заниматься исследованиями или обрабатывать разнообразные материалы, связанные с периодом Большого террора. Можно реализовывать какие-то свои проекты, связанные с направлением деятельности этой организации.

Обращение к пермякам и жителям края

В год тридцатилетия нашей замечательной общественной организации я хочу обратиться к жителям края с призывом вступить в её ряды и участвовать в её работе. Хотелось бы, чтобы мои сограждане понимали, что «Мемориал» – это не только ветеранское общество, которое состоит или может состоять исключительно из жертв репрессий и их родственников. Оно для всех активных и неравнодушных, кто понимает, что «Мемориал» занимается важнейшим для российского общества делом.

Мы сохраняем память и восстанавливаем историческую справедливость.

Мы укрепляем приоритет конституционных и нравственных принципов, связанных с такими понятиями, как «человеческое достоинство», «демократия» и «свобода».

Мы выступаем за соблюдение Прав Человека, за конструктивный диалог и взаимодействие между обществом и властью.

Весь номер этого журнала посвящён воплощённым в жизнь идеям и конкретным делам пермского «Мемориала». Здесь вы можете познакомиться не только с ними, но и с мнением сотрудников и людей, прошедших через его проекты или остающихся нашими партнёрами, союзниками. Если вам близко то, что мы делаем, если вы разделяете наши смыслы и ценности, если вам небезразлична критичная память о прошлом, то вступайте в «Мемориал»! Будущее у организации есть тогда, когда в неё приходят активные и разные люди, когда у организации появляются новые идеи и смыслы.

Сделать это несложно. На сайте <http://pmet.ru> опубликован Устав нашей организации и все отчёты за прошлые годы. Прочитайте и их. Заявление пишется очень просто: «С требованиями Устава ознакомлен и хочу быть членом организации». У нас нет обязательных взносов и поручений к своим активистам. Но мы всегда видим, что факт принадлежности к такой организации, к движению совести, рано или поздно начинает себя проявлять у любого человека. И это очень важно и ценно.

Вступайте в «Мемориал»!

**Роберт Латыпов,
председатель Пермского краевого отделения
Международного историко-просветительского, правозащитного
и благотворительного общества «Мемориал»**

М 24130 Г
Белякин Ал - 89

Башикина Елизавета

Мурзаев А. А.
1998